

СЕДЬМАЯ КНИГА

Люси Монтгомери

ЭННИ С ОСТРОВА ПРИНЦА ЭДУАРДА

Люси Мод Монтгомери

Энни с острова принца Эдуарда

Серия «Энни», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506777
Энни с острова принца Эдуарда: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13703-6

Аннотация

Когда жизнь с самого рождения подсовывает человеку лимоны, ему приходится их есть. Но можно это делать, кривясь и жалея себя, а можно представлять, будто это самое сладкое пирожное, которое подают самим королям.

Замечательная книга, после прочтения тебя переполняют эмоции. Хочется обнять небо, улыбаться прохожим, солнцу, деревьям, цветам. Как много романтики, красоты, тепла и счастья, оказывается, может подарить один талантливый писатель, одна простая книга!

Чувствовать – это совсем не то же самое, что знать...

Содержание

Глава 1. Ветер перемен	5
Глава 2. Осенние гирлянды	18
Глава 3. Расставания и встречи	29
Глава 4. Чудачка	39
Глава 5. Письма из дома	58
Глава 6. В парке	71
Глава 7. Снова дома	82
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Люси Монтгомери

Энни с острова

принца Эдуарда

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Всем девочкам в разных точках планеты,
жаждущим узнать больше про Энни.*

*Все ценное, стремящимся познать
Оно открыто поздно, реже – рано;
Так и Любовь, судьбой предначертана,
Нет, не спешит вуаль свою поднять!..*

Теннисон

Глава 1. Ветер перемен

– Урожай собран, и настал конец нашему лету, – констатировала Энни Ширли, оглядывая опустевшие поля. Взгляд ее, как всегда, был мечтательным. Они с Дианой Берри отдыхали в солнечном уголке сада Грин Гейблз после сбора яблок. Легкий ветерок приносил на своих крыльях, словно память о лете, терпкий запах папоротников из Охотничьих Угодий.

Все в пейзаже, который открывался перед ними, говорило о приближении осени. Море отчужденно клочкотало вдали; голые поля усеивали золотые скошенные стебельки; светло-фиолетовые астры заполнили низину у ручья за Грин Гейблз, а Озеро Сверкающих вод было синее-пресинее... Нет, этот цвет не имел ничего общего с переменчивой весенней голубизной или бледной лазурью лета: он был насыщенным и постоянным; казалось, что вода, пройдя через все возможные «эмоциональные состояния», избрала покой, не подвластный эфемерным мечтаниям.

– Какое это было лето! – сказала Диана, с улыбкой покручивая кольцо на левой руке. – И свадьба мисс Лаванды оказалась достойным его завершением. Конец венчает дело, как говорится! Полагаю, *мистер* и *миссис* Ирвинг сейчас на тихоокеанском побережье...

– Кажется, они так давно уехали, что могли бы обогнуть весь земной шар, – со вздохом молвила Энни. – А ведь все-

го-то одна неделя пролетела после их свадьбы, но все так изменилось! Отбыла не только мисс Лаванда: уехали мистер и миссис Аллан! Каким же опустевшим кажется теперь дом пастора с закрытыми ставнями! Проходила мимо него вчера вечером и вдруг поймала себя на том, что думала о доме так, будто в нем – покойник...

– У нас никогда не будет такого священника, как мистер Аллан, – сказала Диана с мрачной убежденностью. – А уж претендентов этой зимой примчится предостаточно! И половину всех воскресных дней мы будем лишены проповедей. К тому же вы с Гильбертом нас покидаете, – тоска смертная!..

– Зато Фред остается, – лукаво заметила Энни.

– А когда переезжает миссис Линд? – спросила Диана, пропуская мимо ушей последнюю реплику подруги.

– Завтра. И я рада этому: благие перемены! Мы с Мариллой вынесли все, что можно, из комнаты для гостей. Как вы сами понимаете, это не доставило мне особого удовольствия. Конечно, глупо думать так, но мне казалось, что мы... оскверняем эту комнату, ведь она всегда была в моем представлении чем-то вроде усыпальницы. Еще ребенком открыла для себя, что эта комната – самая таинственная в мире! Помните мою идею-фикс относительно того, чтобы провести ночь в какой-нибудь свободной комнате для гостей? Но я никогда не осмелилась бы сделать это в Грин Гейблз! О, нет! Это было бы ужасно! Я бы и глаз не смогла сомкнуть от страха. Всегда старалась обходить стороной эту комнату,

когда Марилла посылала меня с каким-нибудь поручением. А если уж приходилось входить в нее, то я ступала осторожно, на цыпочках, и сдерживала дыхание, словно в церкви. А какое огромное облегчение я испытывала, выходя из нее! По обе стороны от зеркала там висели портреты Джорджа Уайтфилда и герцога Веллингтона. Мне казалось, что всякий раз, когда я входила в комнату, они сурово сдвигали брови. Особенно, когда я отваживалась украдкой взглянуть в зеркало! Это единственное зеркало в доме, не искажающее изображения ни малейшим образом. Я всегда поражалась тому, как это Марилла преспокойно убирается в этой комнате. А сейчас она не то что убрана – вылизана! Джордж Уайтфилд и герцог обосновались теперь в зале наверху. Вот так развеиваются иллюзии, – заключила Энни с коротким смешком, в котором явственно прозвучала нотка сожаления. Не слишком приятно осознавать, что старые идеалы повержены, даже если вы их давно переросли.

– Мне будет так одиноко без вас! – в сотый раз пожаловалась Диана. – Только подумать, вы уезжаете на следующей неделе!

– Но пока мы все еще вместе, – заметила Энни, стараясь ободрить подругу. – Мой отъезд не должен омрачить эти радостные дни. Думаете, мне самой очень хочется покидать дом, с которым мы – закадычные друзья? И не говорите об одиночестве: кто действительно может впасть в отчаяние, так это я. Вы-то останетесь здесь, со своими старыми дру-

зьями и... *Фредом!* А я затеряюсь среди чужих, никого не зная...

– *Кроме* Гильберта и... Чарли Слоана, – не менее лукаво, чем Энни, сказала Диана, стараясь подражать интонациям подруги.

– От мысли, что Чарли Слоан будет рядом, я прихожу в *неописуемый* восторг,» – иронично заметила Энни, и обе эти легкомысленные девицы дружно расхохотались. Уж кто-кто, а Диана прекрасно знала мнение Энни о Чарли Слоане. Но вот что та думала о Гильберте Блiffe, ей было не известно, несмотря на частые конфиденциальные разговоры с подругой. На самом деле, Энни и сама толком не знала, как к нему относиться.

– Кажется, пансион мальчиков – где-то на другом конце Кингспорта, – продолжала Энни. – Я рада, что поеду в Редмонд. В конце концов, он мне понравится! Но первые несколько недель, конечно, буду кукситься. У меня ведь даже не предвидится возможности возвращаться домой по *уикэндам*, как во время нашей учебы в Королевской Академии, а рождественские каникулы грядут только через тысячу лет!

– Все меняется или готовится к переменам, – грустно заметила Диана. – Энни, у меня такое предчувствие, что ничего не повторится снова.

– Мы – на развилке двух дорог, Диана, – задумчиво молвила Энни. – И мы должны были к ней подойти. Вам не кажется, что в детстве мы не напрасно считали, что стать взрос-

лыми – это здорово?!

– Ну, не знаю... Что-то в этом, конечно, есть, – неуверенно сказала Диана, вновь поглаживая кольцо с улыбкой, которая всегда заставляла Энни сомневаться в собственной эрудированности. Диана между тем продолжала:

– Но ведь в будущем – больше вопросов, чем ответов. Иногда меня это даже пугает, и не хочется взрослеть. Много бы я дала, чтобы снова стать маленькой!

– Ничего, думаю, со временем мы привыкнем ко взрослой жизни, – весело заметила Энни. – Вскоре нам станет очевидно, что на свете не так уж много неожиданного. Впрочем, по моему, неожиданности разнообразят наше существование. Нам восемнадцать, Диана! А через два года уже стукнет двадцать! В возрасте десяти лет я не сомневалась, что в двадцать лет мы уже состаримся. Не успеем оглянуться, как вы станете степенной матроной бальзаковского возраста, а я – доброй старой девой, тетушкой Энни, наносящей вам визиты во время поры отпусков... У вас ведь всегда отыщется уголок для меня, правда, малышка Ди? О, нет, не комната для гостей, конечно! Разве какая-то старая дева может претендовать на такую роскошь?! Подобно Урии Хипу, я вполне удовольствуюсь какой-нибудь «норкой» у вашего порога.

– Что это за чушь вы сейчас несете, Энни? – засмеялась Диана. – Вы станете женою какого-нибудь чудесного, красивого и богатого парня. Ни одна комната для гостей в домах Эвонли не будет достаточно хороша для вас. А друзей дет-

ства вы забудете.

– Это было бы непростительной ошибкой с моей стороны; мой нос достаточно хорош, но задирать его не следует, чтобы ненароком не сломать переносицу... – Энни потеряла свой красиво очерченный носик и продолжала:

– достоинств у меня не так много, чтобы я могла позволить себе пренебрегать ими. Так что, Диана, даже если меня возьмет в жены король племени каннибалов с каких-нибудь островов, обещаю, я не оставлю вас!

Вновь весело рассмеявшись, девушки расстались. Диана направилась в Очард Слоуп, а Энни зашагала на почту. Там ее ждало письмо, и когда Гильберт Блиф догнал девушку на мосту через Озеро Сверкающих вод, она вся сияла от счастья.

– Представляете, Присцилла Грант тоже едет в Редмонд! – воскликнула Энни. – Это же просто здорово! Я так надеялась, что и она поедет, но ей казалось, что отец ни в жизнь ее не отпустит. Однако он отпустил, и мы решили снять комнаты в одном доме. С такой подругой, как Присцилла, можно противостоять целой армии со знаменами! Я так и вижу, как все профессора в Редмонде укладываются штабелями...

– Надеюсь, Кингспорт нам понравится, – заметил Гильберт. – Мне говорили, это приятный старый город с лучшими в мире ботаническим садом и питомником. Слышал, что их планировка просто великолепна!

– Не знаю, есть ли что-нибудь – может ли быть что-ни-

будь! – великолепно все этого», – прошептала Энни, обводя взглядом окрестности так, как обычно это делает тот, кому родная сторонка милее наипрекраснейших земель, лежащих под чужими звездами.

Они стояли, прислонившись к перилам моста, наслаждаясь сумеречным светом. Именно в этом месте Энни когда-то карабкалась по свае, бросив тонувшую плоскодонку в тот роковой день, когда «бедняжка Элейн» отправилась в Камелот...»

Пурпурные всполохи заката все еще окрашивали небо на западе, хотя уже взошла луна, и вода, словно прекрасная мечта, серебрилась в ее свете. Воспоминания захлестнули Энни и Гильберта сладкой волной.

– Вы так молчаливы, – в конце концов, произнес молодой человек.

– Боюсь нарушить тишину и, вместе с ней, всю прелесть этого дивного вечера, – улыбнулась в ответ Энни.

Гильберт вдруг положил свою руку поверх тонкой и белой ручки девушки, которой та слегка касалась перилл моста. Его карие глаза блеснули, словно две ночные звезды, а его все еще по-детски очерченные губы разомкнулись, чтобы произнести нечто сокровенное, заставлявшее трепетать его душу. Но Энни, нарушая очарование сумерек, высвободила свою руку и быстро повернулась.

– Мне пора домой, – заметила она с нарочитой непринужденностью. – Мариллу одолевает головная боль, а близнецы,

вне всякого сомнения, уже успели «наломать дров». Я и так пробыла здесь дольше, чем следовало!

Энни беззаботно, как могло показаться со стороны, щебетала всю дорогу, пока они не вышли на дорожку, ведущую прямо к Грин Гейблз. Бедный Гильберт не смог и слова вернуть... А Энни испытала явное облегчение, когда они расстались. В ее сердце просыпалось новое чувство к Гильберту; но даже тогда, в быстротечный момент ее озарения в саду у Жилища Эха, это было еще не вполне ясно. В их старую, добрую дружбу вторгалось нечто, угрожавшее изменить их отношения коренным образом.

– Я никогда раньше не радовалась, когда Гильберт уходил, – подумала Энни не то с недоумением, не то с огорчением, шагая в гордом одиночестве по дорожке к усадьбе. – Нашей дружбе настанет конец, если он станет продолжать в том же духе. Но я не дам все испортить! О, почему мальчишки такие неблагоприятные?

Энни отчасти усомнилась и в своем собственном *благоразумии*, ибо она вновь и вновь возвращалась к тому мимолетному ощущению, которое испытала, когда теплая рука Гильберта легла на ее руку. Какое уж тут *благоразумие*, если это ощущение отнюдь не было неприятным! И как оно отличалось от того, которое доставил ей Чарли Слоан при сходных обстоятельствах, когда три дня тому назад они пропустили танец на вечеринке в Уайтсендсе! Энни предпочла больше не предаваться воспоминаниям, воспоминаниям, ко-

которые не доставляли ей особого удовольствия. Все дела сердечные мигом отступили на задний план, когда она очутилась в лишенной сентиментальности, несколько суровой атмосфере кухни усадьбы Грин Гейблз, в которой, уткнувшись в софу, горько плакал восьмилетний мальчик.

– Что случилось, Дэви? – взволнованно спросила Энни, обнимая малыша. – Где Марилла с Дорой?

– Марилла укладывает Дору в постель, – всхлипнул Дэви, – а плачу я потому, что Дора скатилась кубарем в погреб, ободрала себе весь нос и...

– О, милый, не надо так убиваться из-за этого! Конечно, тебе очень ее жаль, но слезами горю не поможешь. Завтра Доре станет лучше. Слезы еще никогда никому не помогали, мальчик Дэви! И потом...

– Я плачу вовсе не потому, что Дора пересчитала ступеньки в погребе, – прервал Дэви, захлебываясь от рыданий, краткое нравоучение Энни. – причина моих слез в том, что я не присутствовал при этом и не видел ее падения! Вечно я пропускаю что-нибудь интересное!

– Но Дэви! – Энни подавила смешок. – Что же интересного в том, что бедная девочка упала и сильно ушиблась?

– Да она вовсе и *не сильно* ушиблась, – вызывающе сказал Дэви. – Конечно, если б она при этом скончалась на месте, стоило бы слезы лить. Но Кейты без боя не сдаются! В этом они, полагаю, похожи на Блуэтов. Герберт Блуэт в прошлую среду упал вниз с сеновала на собранную в кучу репу

и скатился в стойло прямо под копыта раздраженной лошади совершенно дикого нрава... Отделался он, как говорится, «легким испугом» и открытыми переломами в трех местах. По словам миссис Линд, есть такие ребята, которых простым топором не возьмешь! Энни, миссис Линд ведь завтра переезжает?

– Да, Дэви, и, надеюсь, вы будете всегда вести себя с ней достойно!

– Я постараюсь. Но... Это она теперь должна укладывать меня спать по вечерам?

– Вероятно. А что?

– Просто я не стану молиться при ней так, как молился с вами, Энни! – решительно заявил мальчик.

– Но почему же?

– Нечего читать молитвы Богу в присутствии посторонних! Пусть это делает Дора, если ей угодно, но я и не подумаю! Дождусь ухода миссис Линд и уж тогда помолюсь. В этом ведь нет ничего дурного, правда, Энни?

– Это так, мальчик Дэви, только не забывай... молиться!..

– Не сомневайтесь, не забуду! Мне нравится читать молитвы. Хотя молиться вместе с кем-нибудь – куда приятнее, чем в одиночестве. Жаль, что вы покидаете нас, Энни! И чего ради вы к этому стремитесь?

– Нельзя сказать, чтобы я к этому *стремилась*, Дэви. Но сделать это необходимо.

– Если не хочется, зачем же уезжать? Вы же взрослая! Уж

когда я вырасту, буду делать только то, что пожелаю! Вот так-то, Энни!

– Ты удивишься, сколько всего в жизни приходится делать против собственного желания, Дэви!

– А я не собираюсь, – отрезал Дэви. – Поймайте-ка меня! Сейчас я должен что-то делать против воли, так как иначе вы с Мариллой отправите меня в постель. Но когда я стану взрослым, эта угроза уже не подействует, и некому будет указывать мне, что делать и чего не делать! Что за жизнь тогда начнется! Кстати, Энни, Милти Боултер говорит, будто его мать считает, что вы затем собрались в колледж, чтобы найти там себе мужа. Это правда, Энни? Скажите, мне хочется знать!

В мгновение ока Энни покраснела от негодования. Но потом она вдруг рассмеялась, подумав, что должна быть выше досужих домыслов и сплетен миссис Боултер.

– Конечно нет, Дэви! Я ведь еду, чтобы учиться, расти и познавать мир!

– А что в нем вас интересует?

*Туфли и корабли,
Печати, капуста и короли, —*

пропела Энни.

– Но *если* бы вы все ж таки вознамерились *поймать мужчину*, как бы вы повели себя? Пожалуйста, скажите, мне так

хочется это знать! – продолжал допытываться Дэви, для которого, очевидно, эта тема представляла особый интерес.

– Лучше спросить о подобных вещах миссис Боултер, – усмехнулась Энни. – Думаю, она более... сведуща, нежели я, во всем, что касается мужчин...

– Ну и спрошу, как только увижу ее в следующий раз! – заявил маленький упрямец.

– Только попробуй, Дэви! – спохватилась Энни, осознав свою ошибку.

– Но ведь вы сами посоветовали, – обиженно молвил мальчик.

– Кое-кому уже пора спать! – заявила Энни, резко меняя тему разговора...

После того, как Дэви был уложен в постель, Энни отправилась на Остров Виктории и долго сидела там одна, в лунном сиянии, слушая, как смеется ручей, и веселый ветерок вторит ему. Энни всегда любила этот ручеек. Сколько мечтаний отразилось в его водах в минувшие дни! Внимая дуэту ручья и ветра, Энни забыла обо всем: о своих поклонниках, о соседских домыслах и сплетнях, да и вообще о многочисленных проблемах своего девичьего существования. В воображении она пересекала дальние моря, омывающие легендарные, затерянные острова, Атлантиду и Елисейские поля... Мимо них путеводная звезда вела ее в Страну Сбывшейся Мечты. Грезы были прекраснее самой реальности, ибо все хорошее когда-нибудь кончается, а мечта остается с нами

всегда.

Глава 2. Осенние гирлянды

Следующая неделя пролетела быстро, вся заполненная тысячью дел, которые, как считала Энни, *непрерывно* нужно было переделать до отъезда. Она нанесла прощальные визиты и приняла гостей. Прощание с теми, кто симпатизировал ей и возлагал на нее надежды, приятно тронуло девушку. Но нашлись и такие, кто считал, что Энни чересчур возгордилась, и сочли своим долгом слегка сбить спесь с этой *студенточки*.

Общество АВИС в честь отбывающих на учебу Энни и Гильберта устроило вечеринку дома у Джоси Пай. Место всеобщего сбора выбрали, исходя из двух соображений. Во-первых, дом мистера Пая вполне подходил для данной цели, так как был достаточно большим и удобным. Во-вторых, девочки Пай отнюдь не повели бы себя как *паиньки*, если бы их предложение отвергли. Вечер прошел приятно, поскольку девочки Пай оказались весьма гостеприимными; они ничего *такого* не сказали и не сделали, чтобы испортить *кому-нибудь* настроение. Понятно, что здесь они действовали вразрез со своими привычками...

Джоси Пай даже проявила некоторое дружелюбие по отношению к Энни. Она снисходительно заметила:

– Это новое платье довольно *сносно* сидит на вас, Энни! В самом деле, в нем вы *почти* хорошенькая!

– Как мило, что *вы* это подметили, – ответила Энни. Глаза ее сияли. Хорошо, что у нее развилось чувство юмора! Те слова, которые больно ранили Энни, когда ей было четырнадцать, теперь попросту забавляли ее. Джоси заподозрила, что в этих веселых глазах притаилась насмешка. Но она ограничилась лишь тем, что тихо сказала Джерти, когда они с последней спускались вниз по лестнице:

– С этим отъездом Энни Ширли в колледж – еще будет много шума из ничего. Вот увидишь, дорогая!

Наряду с ветреной молодежью, тусовку посетили *ветераны*. Собирались только «сливки общества». Здесь можно было встретить следующих лиц: Диану Берри, розовощекую, с милыми ямочками, как всегда, в сопровождении верного Фреда; Джейн Эндрюс, опрятную, благоразумную и... скучноватую; Руби Джиллис, *потрясно* выглядевшую в шелковой кремовой блузке и с красным цветком герани в золотых волосах; Гильберта Блифа и Чарли Слоана, старавшихся держаться поближе к Энни, которая, впрочем, все время ускользала от них; Кэрри Слоан, бледную и безучастную ко всему, поскольку, как выяснилось, ее отец не позволил Оливеру Кимбэлу к ним заходить; Муди-Спургеона МакФерсона, чьи круглая физиономия и уши странной формы ничуть не изменились; Билли Эндрюса, просидевшего в углу весь вечер, ухмылявшегося всякий раз, как только кто-нибудь с ним заговаривал, и с гримаской удовольствия на крупном, веснушчатом лице провожавшего глазами Энни Ширли.

Энни давно знала о готовящейся вечеринке. Но разве она могла предположить, что к ней и Гильберту – основателям общества – обратятся с благодарственными речами; им даже сделали *памятные* подарки: Энни презентовали томик сонетов Шекспира, а Гильберту – дорогую авторучку. Когда Муди-Спургеон произносил прекрасные слова в адрес Энни своим самым официальным тоном, непрошенные слезы затуманили большие серые глаза девушки. Она верой и правдой послужила обществу АВИС, и мысль о том, что ее усилия оценили, согревала ей сердце. Все были так милы с ней, приветливы и веселы! Даже девочкам Пай нужно отдать должное... В тот вечер Энни обожала весь мир!

В общем и целом, тусовка Энни очень понравилась, за исключением ее конца. Гильберт снова порывался сказать ей что-то сентиментальное во время ужина на залитой лунным светом веранде. В наказание она осыпала знаками внимания Чарли Слоана и даже позволила последнему проводить ее домой. Однако, девушка обнаружила, что эта месть больше всего ранит ее самое. Гильберт ушел вместе с Руби Джиллис, и Энни услышала, как замирал вдали их звонкий, беззаботный смех, когда они медленно удалялись в темноту тем осенним вечером. Они, очевидно, прекрасно провели время вместе, тогда как ей пришлось скучать наедине с Чарли Слоаном, который безостановочно нес какую-то чепуху, и даже случайно из него невозможно было выудить ни одной ценной мысли. Энни с отсутствующим видом односложно отвечала

«да» или «нет» и думала о том, что Руби сегодня необычайно красива, что глаза Чарли выглядят еще более странно при лунном свете, чем при дневном, и что мир, который казался ей в начале вечера таким прекрасным, вдруг потускнел...

– Да я просто устала, – все дело в этом! – попробовала она успокоить себя, когда, наконец, осталась одна в своей комнате. Ей очень хотелось в это верить! Но из какого-то потаенного источника в сердце выплеснулась радость, когда вечером следующего дня Энни увидела Гильберта, шагающего, как обычно, чеканя шаг, через Охотничьи Угодья и по старому бревенчатому мостку через ручей. Итак, после всего того, что произошло, Гильберт все-таки не собирался провести последний перед отъездом вечер вместе с Руби Джиллис.

– Вы выглядите усталой, Энни – заметил он.

– Да, я устала, Гил! Более того, я вне себя от ярости! Чувствую себя усталой оттого, что целый день провозилась с чемоданом, укладывая в него вещи. К тому же, пришлось заниматься шитьем. А тут еще явились с прощальными визитами шесть дам, и каждая норовила сказануть что-нибудь эдакое, чтобы «подсластить» мне жизнь и сделать ее похожей на серое, унылое ноябрьское утро...»

– Злобные, старые кошки! – образно прокомментировал Гильберт.

«В том-то и дело, что нет, – серьезно возразила Энни. – Ведь если б они были *такими*, я пропустила бы их изливания мимо ушей. Но все они – милые, добрые по-матерински

опекающие меня женщины. И любят свою Энни, а я отвечаю им взаимностью. Именно поэтому то, что они говорят или на что намекают, оказывает на меня подобное, порой нежелательное влияние. Они напрямую заявили, что это – сумасшествие ехать в Редмонд и учиться там на бакалавра искусств. Теперь меня мучит комплекс неполноценности... Миссис Питер Слоан вздыхала и говорила, что очень надеется, что я сумею закончить колледж и не подорвать при этом свое здоровье. И вдруг я увидела себя в роли «жертвы науки», в состоянии нервного истощения к концу третьего года обучения. Миссис Эбен Райт заметила, что это должно стоить целое состояние – провести целых четыре года в Редмонде. И мне действительно стало стыдно транжирить деньги Мариллы и мои собственные сбережения на подобные «капризы». Миссис Джаспер Белл выразила пожелание, чтобы колледж не испортил меня так, как портит *некоторых* людей. И я представила, как к концу четвертого года обучения в Редмонде стану совершенно невыносимым созданием-всезнайкой, взирающей свысока на все и вся в Эвонли. Миссис Элиша Райт сказала, что редмондские девицы, – особенно те, которые живут в Кингспорте, – такие *стильные* и высокомерные. Понятно, среди них я буду чувствовать себя словно не в своей тарелке. И я представила себя, униженную и оскорбленную деревенскую девчонку, пробирающуюся через классические залы Редмонда в убогой одежонке и сапогах, подбитых медными гвоздями...»

Энни остановилась, смущенно вздыхая. Ее чувствительная натура болезненно воспринимала малейшее неодобрение, пусть даже оно исходило со стороны тех, о ком она была не особо высокого мнения. Энни, чьи амбиции вдруг разом улетучились, напоминала сама себе свечу, которую задули. Жизнь показалась ей пресной и безынтересной.

– Вам не следует никого слушать, – запротестовал Гильберт. – Хотя они и «милые кумушки», но с узкими взглядами на жизнь. Вы и сами это прекрасно знаете! То, что *они* никогда не делали в жизни, с их точки зрения следует предать анафеме. Вы – первая девушка из Эвонли, стремящаяся получить образование в колледже. А вам известно, что в *их* глазах все *пионеры* – почти такие же, как лунатики, то есть «с приветом»...

– Я знаю. Но одно дело – *знать* и совсем другое – *чувствовать*! Здравый смысл подсказывает мне, что все это – чепуха, но в данной ситуации он не срабатывает. Эмоции преобладают над разумом. В самом деле, когда я проводила Элишу Райт, в расстроенных чувствах мне толком не удалось собрать чемодан!

– Просто вы и в самом деле устали, Энни. Выкиньте весь этот вздор из головы и пойдете-ка лучше прогуляемся вместе! Побродим по лесу по той стороне болота, и я вам кое-что покажу, если это чудо все еще там!

– Если? Так вы что же, толком не знаете там оно или нет?

– Увы, не знаю. *Оно* должно быть там, исходя из того, что

я видел весной. Идемте же! Представим, что мы снова дети, и побежим дорогой, которую покажет нам ветер!

И они весело выбежали из дома. Энни, вспоминая разочарование прошлого вечера, была очень мила с Гильбертом; а тот, в свою очередь усвоив урок, и не заикался о чем-либо, кроме доброй старой дружбы школьных лет. Миссис Линд и Марилла наблюдали за ними из кухонного окна.

– Они когда-нибудь станут хорошей парой, – с одобрением заметила миссис Линд. Марилла при этом слегка вздрогнула. В душе она очень ждала, когда это произойдет, но обсуждать подобное в обычной светской болтовне с миссис Линд ей не хотелось.

– Пока они еще дети, – коротко сказала она.

Миссис Линд добродушно рассмеялась.

– Энни восемнадцать! – возразила она. – В этом возрасте я уже стала женой! Скажу я вам, Марилла, мы, старики, вечно считаем своих детей маленькими. Энни – молодая женщина, а Гильберт – славный парень и, как видно невооруженным глазом, по уши в нее влюблен! Лучшего воздыхателя у нашей Энни и не будет! Надеюсь, она не забудет себе голову всякой романтической чепухой в Редмонде! Не одобряю я это совместное обучение лиц обоего пола! И никогда не одобряла, так-то вот!

И миссис Линд торжественно подвела резюме:

– Студенты в этих колледжах вряд ли занимаются еще чем-нибудь помимо флирта!

– А как же официальные занятия? Должны же студенты хоть чуть-чуть учиться! – с улыбкой возразила Марилла.

– Только самую малость, – фыркнула Рейчел Линд. – Но я думаю, сказанное не относится к Энни. Она ведь никогда не была кокеткой! Но вот Гильберта девчонка явно недооценивает! Знаю я этих девиц! Чарли Слоан тоже без ума от нее, но за последнего я бы не посоветовала ей выходить. Конечно, все Слоаны – порядочные, честные и уважаемые люди. Но когда все дела переделаны, они становятся *Слоанами*, и этим все сказано!..

Марилла кивнула. Стороннему наблюдателю утверждение, что *Слоаны есть Слоаны*, не дало бы пищи для размышлений и, возможно, показалось бы абсурдным. Но Марилла все поняла. В каждом поселке есть такая семья: хорошие, честные, добропорядочные люди, которые, тем не менее, *всегда* остаются СЛОАНАМИ, независимо от того, говорят они на человеческом или на ангельском языках.

А Гильберт с Энни пребывали в счастливом неведении относительно того, что их будущее было уже заранее решено миссис Рейчел... Они спокойно прогуливались среди теней в Охотничьих Угодьях. Вдали холмы, по склонам которых расположились поля, купались в янтарных лучах закатного солнца; небо было местами бледно-розовое, местами бледно-голубое. Ельник словно полыхал в лучах заката и, казалось, был сделан из бронзы. Длинные тени далеких елей как бы служили границей лугов на высоких холмах. Вокруг них

ветерок играл еловыми веточками; он нес с собою дыхание осени.

– В этих лесных «угодьях» и впрямь можно теперь поохотиться – за старыми воспоминаниями! – сказала Энни, наклоняясь, чтобы сорвать папоротник, покрытый белым инеем, точно восковым налетом. – Мне все кажется, что две маленькие девочки, Диана и Энни Ширли, до сих пор играют здесь, в Охотничьих Угодьях, и сидят в сумерках у Потока Дриады в ожидании привидений... А знаете, у меня и теперь мурашки бегут по коже, когда приходится идти по этой тропинке после наступления темноты! Особенно один созданный нами образ – фантомчик убиенного малыша – внушает мне страх и ужас. Он подкрадывается сзади и кладет холодные пальчики на вашу руку... Когда я прохожу здесь в сумерках, никак не могу избавиться от ощущения, что он где-то рядом и преследует меня. Не боюсь ни Даму в белом, ни человека без головы, ни скелетов! Но лучше бы наша фантазия никогда не создавала этот фантом! Марилла с миссис Берри просто встали в позу, когда узнали об Охотничьих Угодьях! – засмеявшись, завершила Энни экскурс в историю.

Через лес, к болоту, пролегли многочисленные просеки, усыпанные багряной листвой. Между деревьев дрожали на ветру паутинки. Миновав плантацию близко посаженных друг к другу, покрытых шишками елей и солнечную долину с кленами вдалеке, они нашли, наконец, то чудо, о котором говорил Гильберт.

– Ну вот, мы и пришли, – удовлетворенно молвил он.

– Яблонька! Прямо здесь! – в восторге воскликнула Энни.

– Да, настоящая плодоносная яблонька здесь, среди сосен и берез за милю от садов! В один прекрасный день я проходил мимо этого места и обнаружил здесь это чудо. Это было весной, и дерево стояло все в белых цветах. И я решил, что вернусь сюда осенью, когда созреют яблоки. Смотрите, сколько их! Они достаточно хороши, такого же цвет, как и коричневые, но только еще более румяные. Обычно на диких яблонях яблоки зеленые и невкусные.

– Наверное, она выросла из чудом занесенного сюда семечка, – мечтательно молвила Энни. – И чудом прижилась, выросла и стала такой красавицей среди всего чужого! Какая молодец! Да, вне всякого сомнения перед нами – чудо!

– Там, на поваленном дереве, мох словно подушка... Отдохните, Энни! Представьте, что это ваш лесной трон! А я вскарабкаюсь на яблоню, чтобы сорвать несколько яблок. Высоко растут! Лучше было бы прийти сюда засветло.

Яблоки действительно оказались превосходными. Под тонкой коричневой кожицей белела мякоть с едва различимыми красными прожилками. Помимо отменного вкуса, для них был характерен еще и особый аромат, которого лишены обычные, садовые яблоки.

– Едва ли райское яблоко было таким соблазнительным, – облизнулась Энни. – Но... не пора ли нам по домам? Послушайте, еще три минуты тому назад смеркалось, а теперь все

в лунном свете! Жаль, что мы пропустили переходный момент. Но, думаю, подобное заметить практически невозможно.

– Давайте пойдем обратно вокруг болота и по Аллее Влюбленных! Вы все так же сердитесь, Энни, как тогда, когда мы выходили из дома?

– Теперь нет, конечно. Эти яблоки – словно манна небесная для страждущей души... Кажется, я полюблю Редмонд и проведу в нем четыре прекрасных года.

– А когда они пролетят, тогда что?

– А это уже – новый поворот дороги, – улыбнулась Энни. – Не знаю, что там за ним. Лучше и не знать!

Аллея Влюбленных, освещенная тусклым лунным светом, в ту ночь казалась самым романтичным местом на свете. Они медленно шли, храня тишину, более «красноречивую», чем любой разговор.

«Если бы Гильберт всегда был таким, как сегодня вечером, у нас бы все шло, как по маслу», – размышляла Энни.

А Гильберт украдкой смотрел на нее. В своем легком платье она напоминала ему изящный белый ирис.

«Когда же ты, наконец, обратишь на меня внимание, Энни?» – подумал он, лелея слабую надежду в душе.

Глава 3. Расставания и встречи

Утром следующего дня Чарли Слоан, Гильберт Блиф и Энни Ширли отбыли из Эвонли. Последняя надеялась, что погода окажется хорошей. Диана взялась отвезти ее на станцию, и подругам очень хотелось, чтобы эта последняя езда вместе доставила им обоим удовольствие. Но когда в воскресенье вечером Энни отправилась спать, она услышала, как за окнами усадьбы Грин Гейблз порывистый восточный ветер возвестил о непогоде... Проснувшись, Энни убедилась, что погода действительно испортилась; по оконному стеклу барабанили капли дождя, а вся серая, темная поверхность пруда была покрыта расширяющимися кругами; над холмами и морем спускался туман, и весь мир казался скучным и унылым. Энни оделась быстро этим ранним серым утром; нужно было поспешить, чтобы не опоздать на поезд, чей график движения соответствовал пароходному расписанию. Она тщетно пыталась удержать непрошенные слезы, навернувшиеся на глаза. Девушка покидала дом, который стал ей так дорог; быть может, она уже никогда сюда не вернется! Конечно, она постарается выбираться в Эвонли на каникулы... Но все же одно дело *проводить каникулы*, и совсем другое дело *жить* здесь. Вот он, ветер перемен!..

Все здесь было таким дорогим и близким сердцу. И эта маленькая светлая комнатка в восточном крыле, в которой

жили девичьи мечты, и старушка Снежная Королева под окном, и Поток Дриады, Охотничьи Угодья и Аллея Влюбленных... Как покинуть тысячу и одно заветное место, где царствуют воспоминания прошлых лет? Да сможет ли она быть счастливой в других местах?!

В то утро даже завтрак в Грин Гейблз представлял собой весьма унылое зрелище. Дэви, вероятно, первый раз в своей жизни не притронулся к каше и бессовестно ронял в нее слезы. Казалось, у всех пропал интерес к еде, за исключением, конечно, Доры, поглощавшей свою порцию с завидным аппетитом. Дора, подобно знаменитой Шарлотте – той самой «благоразумной» особе, которая продолжала *резать хлеб и намазывать на него масло*, когда тело ее безумного возлюбленного отправлялось в последний путь, – принадлежала к числу тех счастливых созданий, которые редко утрачивают вкус к жизни. Восьмилетнюю девочку почти невозможно было ничем «пронять». Да, она очень сожалеет, что Энни уезжает, но... это не причина для того, чтобы пренебрегать вкусными яйцами-пашот на поджаренных хлебцах! Еще чего!.. Увидев, что Дэви не торопится съесть их, девочка добровольно помогла ему с ними расправиться...

Точно в назначенный час, подъехала на дрожках раскрасневшаяся Диана, закутанная в плащ-дождевик. Настало время проститься. Миссис Линд вышла из своей комнаты, чтобы заключить Энни в объятия и напомнить ей еще раз, чтобы берегла здоровье *несмотря ни на что*.

Строгая Марилла с сухими глазами «клюнула» Энни в щеку и сказала, что надеется, что она сразу же напишет им, как только прибудет на место. Случайному наблюдателю могло бы показаться, что Мариллу мало занимает предстоящий отъезд Энни. Но если бы он заглянул ей в глаза...

Дора чмокнула отъезжающую в щеку и выдавила из себя две слезинки «по случаю». А Дэви, проплакавший на ступеньках крыльца все время после окончания завтрака, вообще отказался прощаться. Когда Энни направилась к нему, чтобы сказать прощальные слова, он вскочил на ноги и, стрелой взбежав вверх по лестнице, спрятался в чулане, где висела одежда, и не выходил оттуда. Его приглушенные рыдания были последними звуками, которые донеслись до Энни из Грин Гейблз, когда девушка покидала усадьбу.

Всю дорогу, пока они ехали, лил сильный дождь. Нужно было добраться до станции в Брайт Ривер, так как расписание «кукушки» из Кармоди не соответствовало графику движения пароходов. Чарли и Гильберт уже ждали на платформе, когда Диана с Энни прибыли на станцию. Машинист уже дал сигнал садиться, и Энни едва хватило времени, чтобы взять билет, сдать чемодан в багажное отделение, торопливо попрощаться с Дианой и вскочить в поезд. Ах, как бы ей хотелось вернуться в Эвонли обратно вместе с подругой! Она чувствовала, что умирает от тоски по дому. Хоть бы этот несчастный дождь перестал хлестать! Казалось, весь мир плачет по ушедшему лету и былым радостям. Даже при-

сутствие Гильберта ее не утешало, ибо рядом вертелся Чарли Слоан, а *слоанизм* можно переносить только в хорошую погоду... В дождь же он совершенно невыносим!

Однако, когда пароход вошел в бухту Шарлотта-Тауна, все изменилось к лучшему. Дождь прекратился, и в просветы между облаками начали падать на землю и воду золотые солнечные лучи. Морские волны, серые при ином освещении, вдруг окрасились в медный цвет; солнце позолотило туманы, окутавшие красные берега острова, и все теперь в природе предвещало, что, наконец, установится хорошая погода. Кроме того, Чарли здорово мутило, и он вынужден был спуститься вниз, оставив Энни и Гильберта вдвоем на палубе.

«Я даже рада тому, что у всех Слоанов – морская болезнь. Стоит им только взглянуть на воду, как их уже мутит! – безжалостно думала Энни. – Каково было бы бросать прощальный взгляд на «родные берега», если бы Чарли стоял рядом и лез со всякой сентиментальной чепухой?!»

– Ну вот, нас уже *там* больше нет, – сказал Гильберт, и в голосе его отсутствовали сентиментальные нотки.

– Да, и я чувствую себя так же, как байроновский Чайльд Гарольд! Только перед нами вырастают отнюдь не родные берега, – грустно заметила Энни, смахивая слезу. – Нова Скотия, вот что это, я полагаю! Родные земли для нас те, которые мы любим больше всех. И для меня это добрый старый Остров Принца Эдуарда. Даже не верится, что я прожила на нем только часть своей жизни. Те одиннадцать лет, которые про-

шли в иных местах, кажутся мне теперь дурным сном. Семь лет назад я впервые взошла на борт судна – в тот вечер, когда миссис Спенсер везла меня из Хоуптауна. Вспоминаю себя в том ужасном полушерстяном платье и измятой матросской бескозырке, с восторженным любопытством обозревавшую палубу и каюты. В тот ясный день красные берега острова просто горели на солнце! И вот я снова пересекаю пролив, но уже при иных обстоятельствах... О, Гильберт, надеюсь, мне понравятся Редмонд и Кингспорт, хотя... я в этом не уверена!

– К чему вы клоните, Энни?

– Я словно погружаюсь в трясину одиночества, а от тоски по дому просто *едет крыша!*.. Три года я мечтала уехать в Редмонд; вот я, наконец, отправилась в путь, и... горю желанием вернуться обратно! Да, ладно!.. Стоит мне как следует выплакаться, и я снова стану эдаким веселым философом в юбке!.. И я это обязательно сделаю. Слезы найдут выход, как только я окажусь в комнате, которую сниму, и буду готовиться ко сну. И тогда Энни снова станет Энни!.. Но, пока я не найду дом, где остановлюсь – не пролью ни слезинки... Интересно, а Дэви уже вышел из чулана?..

В девять часов вечера поезд прибыл в Кингспорт, и они увидели полное народа бело-голубое здание станции.

Энни бы и вовсе растерялась, не схвати ее за руку Присцилла Грант, которая прибыла в Кингспорт еще в субботу.

– Ну, наконец-то, дорогая! – воскликнула она. – Полагаю,

вы устали не меньше, чем я сама, когда в субботу вечером сюда приехала!

– Усталость? Не говорите мне о ней, Присцилла! Да, я устала и выгляжу как *бледная немощь*. Я чувствую себя, словно какая-нибудь деревенская девчонка лет десяти! Бога ради, помогите своей бедной, одичавшей подруге найти укромное местечко, чтобы они могла прийти там в себя!

– Отправимся прямо в дом, в котором будем снимать комнаты! Экипаж уже ждет нас снаружи.

– Какое счастье, что вы со мной, Присси! Если бы вас здесь не было, я, конечно, уселась бы на чемодан и залилась горячими слезами... Как это чудесно, видеть знакомое лицо в толпе чужих!

– Уж не Гильберт ли Блиф там, Энни? Как он повзрослел за последние годы! Когда я преподавала в Кармоди, он был еще школьником, юнцом безусым! Ну а это не кто иной, как Чарли Слоан, разумеется! А вот он не изменился! При всем желании не смог бы! Он выглядит точно так же, как в детстве, и таким же и останется, когда ему стукнет восемьдесят!.. Вот так, дорогая! А дома мы будем через двадцать минут!

– Дома!.. – вздохнула Энни. – Вы имеете в виду, что мы войдем в какой-то ужасный дом и в еще более ужасную комнату с видом на грязный задний двор, комнату, которая *сдается внаем*?

– Да это вовсе не ужасный дом, девочка моя!.. Кстати, а

вот и наш кэб. Прыгайте в него, а извозчик позаботится о вашем чемодане... Да дом, где мы остановимся, хорош во всех отношениях! Вы и сами это увидите после того, как хорошенько отоспитесь, и ваши... синюшные щечки вновь приобретут розовый цвет. Этот большой, серый, каменный дом на Сейнт-Джон-стрит полон старинной мебели. Он выдержан в одном из лучших архитектурных стилей Редмонда. В нем некогда проживал один известный господин, однако особняки на Сейнт-Джон-стрит во многом уступают современным постройкам. Они такие огромные, что хозяева пускают жильцов просто ради того, чтобы заполнить пустое пространство. Поэтому, наши хозяйки заинтересованы в том, чтобы произвести на нас впечатление. Они очень деликатны, – это я, разумеется, о хозяйках!

– И сколько же их?

– Две. Мисс Ганна Гарвей и мисс Ада Гарвей. Они обе – близнецы, и им лет по пятьдесят.

– Судьба у меня такая – все время попадать на близнецов, – улыбнулась Энни. – Где бы я ни была, уж они всегда отыщутся...

– О, так они выглядят сейчас совсем не как близнецы, дорогая! После достижения тридцатилетнего возраста они фактически перестали ими быть! Мисс Ганна Гарвей продолжала стареть, а мисс Ада – нет! Не знаю, улыбается ли когда-нибудь мисс Ганна; пока мне еще не удавалось поймать ее на этом! А вот ее сестра все время улыбается, в том-то

и штука. Впрочем, они обе – милые и добрые женщины и берут двух жильцов на год, поскольку практичная мисс Ганна не желает, чтобы комнаты пустовали, а вовсе не потому, что на это их толкает *нужда*. Мисс Ада с субботнего вечера подчеркнула это в разговоре со мной раз семь. Мы с вами будем жить... в разных комнатах рядом с холмом! Моя комната выходит окнами на задний двор, а ваша – на старое кладбище, что по другую сторону Сейнт-Джон-стрит.

– Звучит не слишком оптимистично, – поежилась Энни. – Лучше бы мне жить в той, другой комнате, с видом на задний двор...

– Нет, нет, постойте! Вам понравится, когда вы увидите Сейнт-Джон-стрит. Это улица расположена в красивом старом районе. А кладбище такое старинное, что уже больше не функционирует. Оно стало одним из достопримечательных мест Кингспорта. Вчера у меня даже улучшилось настроение, когда я решила по нему прогуляться!.. Там высокая каменная ограда, и вокруг растут огромные деревья. Вдоль дорожек – тоже ряды исполинских деревьев! А еще везде, разумеется, старинные надгробия с полустертыми, неразборчивыми надписями. Попробуйте прочесть их, Энни, когда пойдете туда. Сейчас, само собой, там никого не хоронят. Но вот несколько лет назад был сооружен красивый мемориал в честь солдат из Нова Скотии, погибших в Крымской войне. Он стоит как раз напротив входа; вот уж где простор для воображения, как вы когда-то говорили! Ну, наконец-то несут

ваш чемодан, и... мальчики, кажется, хотят сказать вам *до свидания*. Энни, я и в самом деле должна пожать руку Чарли Слоану? Его руки всегда такие холодные, и мне кажется, будто я притрагиваюсь к рыбине... Пусть они как-нибудь навещают нас. Мисс Ганна вполне серьезно предупредила, что мы можем приглашать молодых джентльменов *два раза* в неделю по вечерам, и, естественно, в «цивилизованные» часы. А мисс Ада добавила, улыбаясь, чтобы мы следили, чтобы они ненароком не уселись на ее красивые подушки. Я пообещала, что мы проследим. Но кто его знает, где им еще садиться, поскольку подушки там абсолютно везде! Разве что им придется сидеть на полу... А еще у мисс Ады на пианино – такая милая баттенбургская вещица...

Пока Присцилла рассказывала, Энни не переставала смеяться. Ее веселая болтовня поднимала девушке настроение; тоска по дому уже больше не одолевала Энни так сильно, даже когда она, наконец, осталась одна в своей маленькой спальне. Она подошла к окну и выглянула на улицу.

Улица была темной и пустынной. На противоположной ее стороне виднелись кроны деревьев старого Сейнтджонского кладбища, на которые проливала свой свет луна. В темноте можно было различить очертания огромной головы каменного льва на мемориальном комплексе, что в начале кладбища. Энни не верилось, что она покинула Грин Гейблз только этим утром. День, полный перемен и переездов, показался ей долгим-предолгим.

– Вот эта же самая луна сейчас освещает и Грин Гейблз, – подумала она. – Но... лучше мне не возвращаться к мыслям о доме, чтобы снова не впасть в тоску. Даже плакать я не стану! Отложим плач до более подходящего момента. А сейчас я спокойно и благоразумно отправлюсь в постель и усну...

Глава 4. Чудачка

Кингспорт – милый старый городок, основанный еще в период колонизации. Он окутан атмосферой прошлого и напоминает стареющую леди, наряжающуюся в одежды, которые носили в дни ее молодости. И там, и здесь современность вторгается в прошлое, но «сердце его все еще бьется по-старому»... В городке этом – масса достопримечательностей; над ним витают старинные легенды... Когда-то это был просто пограничный форт в глуши, и индейцы не давали поселенцам «спать спокойно», время от времени совершая набеги. Затем он долго служил *яблоком раздора* для французов и англичан, попеременно переходя в руки то одних, то других. После каждого сражения и «смены власти» на нем оставались *глубокие шрамы*.

В городском парке сохранилась старая пороховая башня, на стенах которой туристы повсюду оставили свои автографы; можно было также полазить по развалинам французской крепости, что на холмах за городом, и лицезреть старинные артиллерийские орудия на нескольких площадях Кингспорта. Конечно, другие исторические места тоже представляли собой большой интерес, но, пожалуй, самым впечатляющим из них по праву считалось Сейнтджонское кладбище в центральной части города. По двум его границам проходили тихие улочки со старинными домами, а по двум дру-

гим – оживленные, современные проезды. Каждый уроженец Кингспорта мог бы похвастать тем, что его предки покоятся здесь, и даже показать треснувшие или вовсе развалившиеся могильные плиты, испещренные надписями, удостоверяющими наиболее важные вехи их биографий. Большей частью, старинные надгробия не отличались особым искусством исполнения. В основном они были сооружены из грубо обработанного коричневого или серого камня, и только некоторые из них покрывал орнамент. Иногда на надгробиях можно было обнаружить череп и скрещенные кости, и этот ужасный «декоративный элемент» порой соседствовал с головками херувимов... Многие из надгробий плохо сохранились, а иные являли собой... осколки прошлого. Время повсюду оставило свой след; на одних плитах надписи полностью стерлись, а для того, чтобы разобрать их на других, потребовался бы опытный дешифровальщик... Сейнтджонское кладбище – очень спокойное и тенистое; оно ведь окружено и пересечено рядами вязов и ив, под сенью которых усопшие, должно быть, спят без сновидений, убаюканные ветрами и шелестом листвы, поющими колыбельную над их головами. Ничто не тревожит их вечного покоя, даже оживленное движение за кладбищенской оградой.

Около полудня следующего дня Энни впервые отправилась на прогулку по Сейнтджонскому кладбищу. Потом она частенько приходила сюда.

Утром они с Присциллой ездили в Редмонд и зарегистри-

ровались как студентки. Иных дел на этот день у них намечено не было. Девушки радовались возможности поскорее сбегать из колледжа, поскольку почувствовали себя неуютно в толпе студентов, большинство которых выглядело совсем не так, как они сами. Угадать, откуда вся эта незнакомая молодежь, было весьма сложно.

Новоприбывшие стояли в разрозненных группках по трое или парами и подозрительно друг друга оглядывали. Более «умудренные житейским опытом» первокурсники толпились на лестничной площадке у входа и весело что-то выкрикивали во всю мощь молодых глоток, задирая своих исконных «врагов» – второкурсников. Последние время от времени важно прогуливались рядом, бросая презрительные взгляды на «молокососов», облепивших лестницу. Гильберта с Чарли нигде не было видно.

– Никогда бы не подумала, что в один прекрасный день мне *так* захочется видеть Слоана, – заметила Присцилла, когда они пересекали двор колледжа. – Я бы в полном экстазе заглянула в его выпученные глаза. По крайней мере, в его-то глаза я смотрела уже не раз!

– О, – вздохнула Энни, – не могу передать, какой потерянной я себя ощущала, стоя в очереди, чтобы записаться в колледж. Наверное, малюсенькая капелька в огромном море чувствует себя куда лучше... Не слишком приятно считать себя полным ничтожеством, и совершенно невыносимо понимать, что так может продолжаться всегда. Но именно так я

и думаю. Уже начинает казаться, что меня невозможно разглядеть невооруженным глазом, и кто-нибудь из высокомерных второкурсников не ровен час раздавит меня. И окажусь я на кладбище, не отпетая и не оплаканная, лишенная даже последних почестей...

– Вам стоит дождаться следующего года, – возразила на это Присцилла. – Тогда и мы станем такими же чопорными второкурсницами. Пожалуй, еще заткнем их всех за пояс! Конечно, не очень-то приятно осознавать, что ты маленькая. Но, поверьте, ничуть не лучше чувствовать себя слишком большой и неуклюжей! Вот мне, например, кажется, что я возвышаюсь над всем Редмондом. Наверное, я ощущаю себя эдакой каланчей из-за того, что на пару дюймов выше любого из этой толпы! Уж мне-то не надо бояться быть раздавленной второкурсниками. Они попросту примут меня за слонику или перезрелую островитянку, питающуюся одним картофелем...

– Полагаю, проблема в том, что мы не можем простить большому редмондскому колледжу то, что он совсем не похож на нашу маленькую Королевскую Академию, – сказала Энни, собирая в кулачок всю свою волю, чтобы не казаться такой уж беззащитной. – Покидая Академию, мы всех там знали, к тому же у нас был определенный статус. Думаю, что бессознательно мы чувствовали, что судьба забросит нас в Редмонд, и спешили не упустить свое. А теперь кажется, будто мы теряем почву под ногами! Какое счастье, что ни мис-

сис Линд, ни миссис Элиша Райт не знают и никогда не узнают мое теперешнее состояние! Каждая из них непременно заметила бы с явным удовлетворением: «А что я вам говорила!» И, будьте уверены, это стало бы началом конца! А мы, похоже, в самом начале пришли к концу!

– Уж это точно! Ну, наконец-то в вас снова заговорила Энни-философ! Ничего, очень скоро мы адаптируемся и перезнакомимся, и все пойдет на лад. Энни, а вы заметили девушку, которая все утро простояла возле дверей раздевалки колледжа? Я имею в виду ту, хорошенькую, с карими глазами и чувственным ротиком.

– Да, конечно. Я ее запомнила, потому что она показалась мне *такой же* одинокой, остро нуждающейся в поддержке друзей, как *и я сама*. Но у меня есть *вы*, а у нее, похоже, никого!

– Думаю, она тоже почувствовала, что предоставлена самой себе. Я заметила, как несколько раз она порывалась подойти к нам, но так и не сделала этого, – должно быть постеснялась. А жаль! Если б я не выглядела, как вышеупомянутая слониха, можно было бы и самой подойти к ней. Но не так-то просто пройти «слоновьей походкой» через зал, когда все эти мальчишки улюлюкают на лестнице! Она показалась мне самой хорошенькой из всех зарегистрировавшихся девушек, но, видно, даже красота бессильна сегодня что-либо изменить!» – с усмешкой заключила Присцилла.

– После ланча я намерена посетить Сейнтджонское клад-

бище, – сказала Энни. – Не уверена, что это действительно то место, где можно *отвести душу*, но больше нигде в округе нет деревьев, а они так нужны мне! Сяду на какую-нибудь старую плиту и представлю, что я – в лесу Эвонли...

Однако ничего подобного Энни не сделала. Сейнтджонское кладбище оказалось настолько достопримечательным, что девушка на все смотрела широко открытыми глазами. Они вместе с Присциллой вошли вовнутрь через ворота и миновали простую, но массивную арку, увенчанную гербом Англии – каменным львом.

*– У Инкермана ежевика
кровью обагренна,
Да будут те суровые
вершины
незабвенны
в веках! —*

процитировала Энни и ее охватила дрожь... Девушки оказались в тенистом, прохладном, зеленом уголке, где даже ветер дул тихо-тихо. Они бродили то здесь, то там по заросшим травой дорожкам, читая древние, затейливые эпитафии, высеченные на каменных плитах в те незапамятные времена, когда умели жить красиво...

– Здесь Господь упокоит тело Альберта Крофорда, эс-квайра, – читала Энни полустертую надпись на серой могильной плите, – верой и правдой служившего Его Величе-

ству, будучи главою артиллерийского управления Кингспорта. До 1763 года от Р.Х., то есть до заключения мира, он служил в армии и оставил ее лишь когда занедужил. Он был славным офицером, достойнейшим из мужей, лучшим из отцов, преданным другом. Он умер 29-го октября 1792 года от Р.Х. в возрасте 84 лет.» Ну, эта эпитафия и вам подойдет, Присси! Сколько она оставляет простора для воображения! Да, такая жизнь, несомненно, была полна приключений! А что касается личностных качеств мистера Крофорда, то человечество, исходя из того, что здесь сказано, их высоко оценило. Только вот пока он жил на этом свете, говорили ли они ему все это?!

– А вот еще, послушай, – сказала Присцилла. – «Памяти Александра Росса, почившего 22 сентября 1840 года от Р.Х. в возрасте 43-х лет. Сия могильная плита воздвигнута в знак любви тем, кому оный господинъ прослужил верой и правдой 27 летъ и посему удостоился дружбы, полного доверия, и признательности».

– Очень хорошая эпитафия, – задумчиво произнесла Энни. – Я бы лучшей и не пожелала... Мы все в своем роде слуги, и если на могильных плитах пишут со всей ответственностью о нашей честности, – это все, что нам нужно. А вот здесь – очень трогательное маленькое надгробие из серого камня, Присси: от родителей любимому ребенку... А вот еще одна могильная плита. Но тот, для кого она была сооружена, покоится где-то в другом месте. Интересно, где эта безымянная

могила? Знаете ли, Прис, все современные кладбища явно уступают этому, старинному. Вы оказались правы, я буду часто сюда приходить. Мне здесь уже нравится! Но, как я погляжу, мы с вами не одни в этом месте: вон там, в конце дорожки, маячит девичья фигурка!

– Да, и, между прочим, это фигурка той самой девушки, которой мы заинтересовались сегодня утром в Редмонде! Я уже минут пять не спускаю с нее глаз. Раз шесть девушка намеревалась подойти ближе по дорожке, и столько же раз она поворачивала обратно. Либо она невероятно стеснительная, либо у нее что-то на уме. Пойдемте, познакомимся с ней! По-моему, здесь, на кладбище, завязывать знакомства куда легче, чем в Редмонде.

И девушки пошли по поросшему травой проходу к незнакомке, усевшейся на серую плиту под развесистой ветлой. Незнакомая девушка и в самом деле была хорошенькой. Ее яркая, необычайная красота сразу очаровывала. Волосы ее, гладкие и блестящие, напоминали по цвету спелый лесной орех, а щеки покрывал нежный румянец. Карие глаза кротко смотрели из-под красиво очерченных, черных бровей, а губки были красными, словно лепестки розы. Под длинной юбкой хорошего коричневого костюма виднелись ножки, обутые в модные туфельки. А над шляпкой из темно-розовой соломки, украшенной желтыми и коричневыми маками, вне всякого сомнения потрудился мастер из модного салона. Глядя на нее, Присцилла даже подумала, что шляпник

из их провинциального ателье явно «прошляпил» ту шляпку, которую изготовил для нее. А Энни стало неловко из-за своей блузки, сшитой ею самой и подогнанной после примерки не без помощи миссис Линд. Убогая одежда в сравнении с элегантным нарядом незнакомки! На мгновение девушки даже усомнились в том, правильно ли они поступили, что подошли первыми.

Но они уже остановились и повернулись к серой плите. Ретироваться было поздно, ибо кареглазая девушка, очевидно, решила, что они намереваются с ней заговорить. Она тотчас же поднялась и сделала несколько шагов им навстречу, протягивая руку с веселой, дружеской улыбкой; нет, она отнюдь не стеснялась, и едва ли у нее была какая-нибудь «задняя мысль».

– О, мне так хотелось с вами познакомиться! – с жаром воскликнула она. – *До смерти* хотелось! Сегодня утром я вас обеих видела в Редмонде. Правда, там было просто *кошмарно*? Впервые я подумала, не лучше ли мне остаться дома да выйти замуж!

Энни и Присцилла при этом признании не удержались от смеха. Кареглазая девушка тоже засмеялась.

– Я правда могла бы, понимаете? Давайте посидим на этой могильной плите и познакомимся! Это не составит нам труда! Я ведь знаю, мы рождены для дружбы друг с другом! Поняла это, как только увидела вас утром в Редмонде. Мне так хотелось подойти прямо к вам и обнять вас обеих!

– Почему же вы этого не сделали? – спросила Присцилла.

– Никак не могла решиться! Я всегда так – в плену у собственной нерешительности! Стоит мне принять какое-нибудь решение, как сразу начинают одолевать сомнения, а стоит ли это делать! Это мой страшный недостаток, но уж такой я уродилась, и не нужно ругать меня за это, как делают некоторые! Так что я просто никак не могла заставить себя подойти к вам первой. Но, поверьте, мне этого так хотелось!

– Мы думали, что вы слишком стесняетесь, – заметила Энни.

– Да нет же, дорогая! Стеснительность не входит в число многочисленных отрицательных качеств – или добродетелей! – Филиппы Гордон. Для краткости зовите меня Фил! А как я могу обращаться к вам?

– Это – Присцилла Грант, – кивнула в сторону подруги Энни.

– А *это* – Энни Ширли, – в свою очередь представила подругу Присцилла.

– Мы обе – с островной части, – одновременно выпалили девушки.

– А я родом из Болинброка, из Нова Скотии, – сказала Филиппа.

– Из Болинброка! – воскликнула Энни. – Ведь именно в нем я и родилась!

– В самом деле?! Значит вы тоже в своем роде аристократка?

– Вовсе нет, – возразила Энни. – Не Дэн ли МакКонелл сказал, что даже если человек родился в стойле, это не означает, что он – лошадь! Я – *островитянка* до мозга костей!

– Ну, во всяком случае, я рада, что мы с вами – землячки. Хорошо, что вы родились в Болинброке! Это нас роднит, и теперь мне проще будет делиться секретами с вами, ведь вы мною уже не воспринимаетесь, как чужая. Я не могу держать секретов в себе! Бесполезно и пытаться. Это – худший из моих недостатков, ну и еще, как уже было сказано, нерешительность. Вы не поверите, полчаса я решала, какую шляпку надеть, чтобы прийти сюда – СЮДА, на *кладбище*!.. Вначале я склонялась к тому, чтобы надеть коричневую с пером; но стоило лишь мне ее примерить, как я решила, что вот эта, розовая, с широкими полями подойдет куда больше. Когда же она уже была зафиксирована на голове, я вновь стала подумывать о том, чтобы надеть коричневую. В конце концов пришлось положить их рядом на кровать, закрыть глаза и направить на них шляпную булавку. Булавка указала на розовую, так я ее и надела! Она очень милая, не правда ли? И, вообще, как, по-вашему, я выгляжу?

Этот несколько наивный вопрос, заданный серьезным тоном, вновь заставил Присциллу рассмеяться. Но Энни, импульсивно пожимая руку Филиппы, ответила:

– Сегодня утром мы решили, что вы – самая хорошенькая девушка в Редмонде!

Филиппа ослепительно улыбнулась, показывая белые ма-

ленькие зубки.

– Я и сама так подумала, – призналась она, приводя девушек в крайнее удивление. – Но кто-то должен был это подтвердить, так как я и этого никак не могла утверждать совершенно определенно. Стоило мне подумать, что я *ничего*, как сомнение вновь меня одолело! К тому же старая тетка моя – не сахар; она все время заводит одну и ту же песню: «Ты была таким очаровательным ребенком! Странно, почему дети так меняются, когда вырастают?» Вообще я люблю тетушек, но только не старых зануд! Если вам это не трудно, пожалуйста, почаще говорите мне, что я хорошенькая! Мне от этого легче становится на душе... А я в свою очередь осыплю комплиментами вас; буду очень признательна, если вы согласитесь! Не беспокойтесь, на *это* у меня хватит решимости!

– Спасибо! – засмеялась Энни. – Но вам не стоит беспокоиться, ведь у нас с Присциллой не возникает никаких сомнений относительно того, как мы выйдем...

– Так вы смеетесь надо мной! Я знаю, по-вашему, я сушья наивняшка, на самом же деле – нет! Во мне нет ни капли наивности. Просто я не стесняюсь делать комплименты другим девушкам, если они их заслуживают. Я так рада, девочки, что познакомилась с вами! Приехала я сюда в субботу и просто умирала от тоски по дому. Это чувство изводит нас, не правда ли? В Болинброке я занимаю определенное положение, а здесь – невесть кто! Тоска зеленая! Кстати, а где вы остановились?

– В доме тридцать восемь на Сейнт-Джон-стрит.

– Все теплее и теплее! Я живу рядом, на углу Воллас-стрит. Впрочем, не могу утверждать, что в восторге от дома, в котором квартируюсь. Он такой мрачный и пустой, к тому же мои окна выходят на закопченный задний двор. А это – самое ужасное место в мире! Что касается котов, то, конечно, все кошачье племя города Кингспорта не может собираться там одновременно. Но, по крайней мере, добрая его половина преспокойно это делает! Обожаю домашних кисок, довольно мурлыкающих, свернувшись калачиком на коврике у веселого комелька. Но кошки в полночь на задворках превращаются в маленьких тигров! В первую ночь, как я сюда приехала, я выла, не переставая. То же самое делали и коты под окном... Посмотрели бы вы, на что был похож мой нос утром! Зачем только я уехала из дому?!

– Но как вы могли решиться на то, чтобы приехать в Редмонд, раз вы всегда во всем сомневаетесь? – с удивлением спросила Присцилла.

– Господь с вами, дорогая! Это все мой отец. Не знаю почему, но он буквально загорелся идеей отправить меня в колледж. Не правда ли, странно, что я буду учиться на бакалавра искусств? Уж это точно! Но здесь ничего не поделаешь. Впрочем, мозгов у меня хватает!

При этих словах Филиппы Присцилла неопределенно хмыкнула.

– Да, да! Но только шевелить ими трудно! А бакалав-

ры все такие ученые, степенные, умные, словом, *серьезные* люди, на мой взгляд! Нет, в Редмонд я вовсе не рвалась. Приехала сюда только для того, чтобы угодить отцу. Он такой душка! Кроме того, если б я осталась дома, то не миновала бы брачных уз. Мама хотела выдать меня замуж... Определенно этого хотела! Вот в ком решимости хоть отбавляй, так это в моей родительнице! Но я бы отложила это дело на несколько лет. Надо же и порезвиться всласть прежде, а уж потом можно и остепениться. Как ни абсурдна мысль о том, что я могу стать бакалавром искусств, еще страннее мне кажется перспектива заделаться образцовой женою... Мне всего восемнадцать!.. Итак, резюме: лучше торчать здесь, в Редмонде, чем потерять личную свободу, выйдя замуж. К тому же, думаете, это так уж просто решить, на ком остановить свой выбор?!

– А что, претендентов – хоть отбавляй? – фыркнула Энни.

– Куча. Мальчишки складываются штабелями у моих ног! Но из всех, кого я знаю, действительно стоящих только двое. Остальные – зеленые юнцы, либо без гроша в кармане. Но мне ведь нужен состоятельный мужчина.

– А зачем?

– Дорогуша, вы же не сможете представить *меня* женой нищего, не правда ли? Ничего делать я не умею. Кроме того, перед вами весьма притязательная особа. Нет уж, если выходить замуж, то за такого мужчину, у которого денег куры не клюют... Итак, у меня остается два достойных варианта!

Однако, выбрать кого-либо из них ничуть не легче, чем из двухсот ухажеров! Уж я-то знаю, стоит мне остановить свой выбор на одном из них, как вся моя будущая жизнь будет отравлена мыслью, что я ошиблась, не выйдя замуж за другого.

– А вы что, любите... их... обоих? – не без колебаний спросила Энни. Не так-то просто говорить с почти незнакомым человеком о великих тайнах и трансформациях жизни.

– Господи боже мой, да нет же! Я не в состоянии кого-нибудь любить, кроме... себя, разве что! Любовь порабощает, если хотите! И мужчины вовсю пользуются нашей слабостью, чтобы причинять нам боль. Я б испугалась!.. Нет, нет, Алек и Алонсо – милые ребята. Мне они оба очень дороги, так что даже не знаю, кто из них лучше. В том-то и загвоздка... Алек красивее, конечно. Вы ж понимаете, что я не могу стать женою какого-нибудь уродца! Характер у него тоже – *то, что надо*. Кроме того, он кудрявый и темноволосый, что очень ему к лицу. Пожалуй, Алек слишком хорош... А на что мне идеальный муж? Не к чему и придраться!

– Ну так выходите замуж за Алонсо! – мрачно сказала Присцилла.

– За парня с *таким* именем?! – воскликнула Фил и скорбно добавила:

– Боюсь, я не смогу этого вынести. Но вот носик у него такой правильной формы! Хорошо, если в семье пойдут такие носы... У меня нос еще ничего, как и у всех Гордонов.

Но вдруг со временем он изменится и станет похож на носы Бирнов? Каждый день я озабоченно проверяю, сохраняет ли он гордоновскую форму. Мама моя из семейства Бирнов, и нос у нее – типичный *бирновский*... Возможно, вы и сами в этом убедитесь. Обожаю хорошенькие носики... Как у Энни Ширли, например! Нос Алонсо – серьезный аргумент в его пользу. Но... АЛОНСО! Нет, разве я могу решить?! Если бы можно было, как в случае со шляпками: просто поставить их рядом друг с другом, закрыть глаза и ткнуть булавкой либо в сторону одного, либо в сторону другого. Как бы это упростило задачу!

– А что случилось с Алеком и Алонсо, когда вы уехали? – спросила Присцилла.

– О, у них осталась надежда! Я велела им ждать, пока не приму решения. Да они и не против! Они оба боготворят меня! А пока я тут немного развеюсь... Уж в Редмонде у меня точно отбоя от женихов не будет! Знаете ли, без этого и жизнь не мила! Но ведь первокурсники все такие невзрачные! Вы согласны? Только один из них красив по-настоящему! Он уже ушел, когда вы появились. Слышала, как его приятель назвал его по имени. Его зовут Гильберт! У его дружка глазищи ВО КАКИЕ! Но... вы что, уже уходите, девочки? Оставайтесь, еще рано!

– Думаю, нам уже пора! – довольно холодно сказала Энни. – Уже темнеет, а у меня есть кое-какие дела.

– Но вы же обе пришли специально, чтобы встретиться со

мною, не так ли? – спросила Филиппа, поочередно протягивая девушкам руку. – А можно я навещу вас? Мне понравилось с вами общаться! Мы классно провели время вместе! Вам же не внушает отвращение моя болтовня?

– Нисколько! – засмеялась Энни, сердечно пожимая руку Фил.

– Я не такая чудачка, какой кажусь на первый взгляд, знаете ли! Просто попытайтесь принять Филиппу Гордон со всеми ее недостатками. Что поделатъ, если я такой уродилась? Надеюсь, вы полюбите меня, в конце концов... А правда, это кладбище – очень милое местечко? Хочу, чтобы меня похоронили здесь!.. А вон ту могилу я еще не осмотрела. Да, да, ту самую, что за железной оградой. Смотрите, девочки, на могильной плите написано, что это могила гардемарина, убитого во время сражения между Шанноном и Чисепиком! Представьте себе только!

Энни задержалась у ограды и взглянула на старую могильную плиту. Внезапно ее охватил трепет, и пульс участился от нараставшего возбуждения. Взор ее затуманился. Она не видела больше старинного кладбища с развесистыми деревьями и тенями на дорожках. Вместо него воображение Энни нарисовало гавань Кингспорта такой, какой она была век тому назад. Из тумана медленно выходил красавец-фрегат под «гордо реющим английским флагом». Позади него шел другой корабль, на юте которого покоилось тело доблестного Лоренса, завернутое в яркие знамена. Время перевернуло

последнюю страницу его жизни, а между тем Шаннон торжествовал победу над Чисепиком, и фрегат победителей триумфально держал путь к берегам, ведя за собой фрегат побежденных...

– Энни Ширли, очнитесь! – засмеялась Филиппа, потянув девушку за руку. – Вы перенеслись в прошлое на сотню лет назад! Возвращайтесь!

И Энни вернулась с легким вздохом. Глаза ее излучали мягкий свет.

– Я всегда любила рассказы об этом историческом событии, – задумчиво сказала она, – несмотря на то, что тогда одержали верх англичане. Наверное, это из-за того, что мне нравился бесстрашный командор этих несчастных, потерпевших, поражение воинов. Эта могила навеяла образы давних лет. Они показались мне такими реальными! Бедному гардемарину едва минуло восемнадцать! *«Он скончался от смертельных ранъ, и смерть его была смертью героя,»* – гласит эпитафия. О чем еще может мечтать воин?

Перед тем, как уйти, Энни, носившая на груди букетик фиалок, отколола его с платья и тихонько положила на могилу этого юноши, погибшего во время великого морского сражения.

– Ну и как вам наша новая подружка? – спросила Присцилла, когда Фил простилась с ними.

– Мне она нравится. Хоть эта девушка и несет разную чепуху, но в ней что-то есть. Я верю, когда она говорит, что

не так глупа, как может показаться вначале. Она просто интересная чудачка и... ребенок! Не думаю, что она когда-нибудь повзрослеет!

– Мне Фил тоже понравилась, – твердо сказала Присцилла. – Эта девица так же без конца болтает о мальчишках, как и Руби Джиллис. Но последняя иногда доводит меня до бешенства, тогда как над словами Фил я готова просто добродушно посмеяться. Почему так, Энни?

– Все дело в том, – заметила та, – что у Руби уже есть определенный опыт. Она постоянно играет в любовь с кем-нибудь. Кроме того, возникает такое чувство, будто ей очень хочется этим похвастаться и «утереть нос» всем нам, ведь у нас и близко нет подобного выводка поклонников! А когда Фил заговаривает о своих парнях, создается впечатление, что это обыкновенный *трен*, не более того. Она ценит мужскую дружбу и радуется, когда ее окружает множество интересных парней. Просто ей очень нравится быть в центре внимания или думать, что она таковым является. Даже Алек с Алонсо – отныне едва ли смогу отделить эти два имени друг от друга! – в ее представлении – товарищи по игре, в которую она собирается играть всю свою жизнь. Я рада, что мы познакомились с ней и побывали на этом старинном Сейнт-джонском кладбище. Кажется, я уже пустила на нем корни, и, надеюсь, их никто не подрубит!..

Глава 5. Письма из дома

Последующие три недели Энни с Присциллой не покидало чувство, что они чужие в этом затерянном мире. Затем внезапно все встало на свои места: они увидели в ином свете Редмонд, профессуру, аудитории, студентов, занятия и общественные мероприятия. Жизнь уже не складывалась из эпизодов, а напоминала единое действие. Поступившие на первый курс, из скопления разрозненных индивидуумов превратились в группу, имеющую свой статус, принципы, анекдоты, интересы, антипатии и амбиции. Они «заткнули за пояс» второкурсников на *конкурсе искусств*, который по традиции проводили в колледже ежегодно, заслужив тем самым уважение со стороны всех групп. Им было чем гордиться! Три года подряд победа доставалась второкурсникам; на сей раз первокурсники гордо поднимали свое знамя, выиграв сражение благодаря новым гениальным тактикам, намеченным самим «главнокомандующим», Гильбертом Блифом. Второкурсники пришли в замешательство и упустили свой шанс, тогда как первокурсники ликовали. За *особые заслуги* Гил был избран куратором первого курса. Этого почетного положения – по крайней мере с точки зрения новопеченных студентов – домогались многие. Его также пригласили стать членом *Клуба Ягнят* – редмондского варианта Ламбафета, – что считалось особой честью для любого

первокурсника. В качестве боевого крещения ему пришлось маршировать по улицам деловой части Кингспорта, не снимая дамского чепчика и огромного передника из цветастого ситца. Но он не унывал и, напротив, казалось, получал удовольствие, галантно приподнимая свой чепчик при встрече со знакомыми дамами. Чарли Слоан, которого не пригласили в Клуб Ягнят, внушал Энни, что не понимает, как это Блифф мог до *такого* унизиться. Уж он-то, Чарли, никогда бы *так низко не пал!*

– Представьте Чарли Слоана в ситцевом фартучке и чепчике! – хихикала Присцилла. – Да Слоана не отличили бы от его собственной бабушки! А вот Гильберт что в них, что в своей нормальной одежде выглядит мужчиной!

Энни с Присциллой ушли с головой в общественную жизнь Редмонда. В том, что это произошло столь быстро, была немалая заслуга Филиппы Гордон. Она оказалась дочерью состоятельного человека с высоким социальным положением. Фил принадлежала к старинному аристократическому роду. Ее имя, равно как красота и шарм, оцененные всеми, кто с ней встречался, немедленно открывали перед девушкой двери всех клубов, тусовок и кружков в Редмонде. Она всегда брала с собой Энни с Присциллой. Первую Фил просто обожала, вторую тоже, но... в меньшей степени. Душа у нее была по-детски чистой и свободной от всякого проявления снобизма.

– Тот, кто любит меня, должен любить и моих друзей! –

эту фразу она совершенно спонтанно приняла в качестве своего девиза. Фил запросто ввела новых подруг в расширившийся круг своих знакомых; таким образом две «островитянки» из Эвонли без особого труда пролагали себе дорогу в свет на зависть и удивление другим первокурсникам, не имевшим такой «влиятельной покровительницы», как Фил, и вынужденным прозябать на задворках общественной жизни в первый год их пребывания в колледже.

Энни и Присцилла, девушки с серьезными взглядами на жизнь, по-прежнему видели в Фил того забавного и хорошенького ребенка, каким она им показалась во время их первой встречи. Но выяснилось, что у ней и впрямь «ума палата». Когда и где Фил выкраивала время для учебы оставалось тайной, ибо, казалось, что она только и делает, *что срывает цветы удовольствия*. Дома, по вечерам, у нее постоянно собирались компании. Поклонников у нее было столько, сколько душе угодно; девять или десять первокурсников и целая армия ухажеров с других курсов ловили ее улыбки, соперничая друг с другом. Фил благосклонно принимала их знаки внимания и наивно рассказывала о своих победах Энни с Присциллой в таких подробностях, что у ее поклонников, верно, горели уши.

– Ну, Алеку и Алонсо пока нечего опасаться! – поддразнивала девушку Энни.

– Что верно, то верно, – соглашалась Филиппа и пускалась в долгие объяснения: – Пишу им я каждую неделю и

сообщаю все обо всех своих молодых людях в Редмонде. На них это должно производить впечатление! Но тот, кто нравится мне больше всех, на меня «ноль внимания». Гильберт Блиф и не смотрит в мою сторону! Я для него – разве что пушистый котенок, с которым можно иногда поиграть. Причина видна невооруженным глазом... Как не позавидовать вам, королева Анна, то есть Энни?! Мне бы ненавидеть вас, а я люблю всем сердцем и тоскую, когда не вижу каждый день. Вы не похожи ни на одну из девушек, с которыми мне доводилось встречаться раньше. Когда смотрю на вас, сама удивляюсь своей ничтожности и недалекости, и мне хочется стать лучше, мудрее и серьезнее. И я создаю себе установки, которые немедленно нарушаю, стоит лишь первому попавшемуся пригожему мужчинке замаячить на горизонте... Но как же мне по вкусу эта жизнь в колледже! Странно даже, что вначале я ее так ненавидела. Но если бы этого не случилось, мы едва ли нашли бы друг друга, Энни! Дорогая, пожалуйста, скажите мне снова, что хоть капельку меня любите! Жажду услышать это из ваших уст!

– Моя любовь – как океан! И я думаю, что вы – милый, прелестный, очаровательный, беззлобный и пушистый маленький... котенок! – смеялась Энни и продолжала серьезно:

– Но я ума не приложу, когда вы занимаетесь и выполняете задания!

Фил, должно быть все-таки находила время, чтобы готовиться к занятиям, так как она успешно отвечала, если ее

вызывали на семинарах по разным предметам. Даже раздражительный преподаватель математики, питавший явное отвращение «ко всем этим недоучкам» и в свое время высказывавшийся против их поступления, не мог засыпать Фил. Она умудрялась блистать на всех предметах, за исключением английского; уж здесь она не могла соперничать с Энни Ширли, оставившей ее далеко позади. Энни обнаружила, что ей несложно учиться на первом курсе, возможно во многом благодаря упорной работе, которую они с Гильбертом проделали в Эвонли за два года своей подготовки к колледжу. Это позволило ей больше времени посвящать общественной жизни, которая ей все больше нравилась. Но ни на секунду она не забывала Эвонли и друзей, оставшихся там. Самыми радостными мгновениями были те, когда она получала письма из дома. Они приходили каждую неделю. Только после того, как Энни принесли первые письма из Эвонли, она почувствовала себя в Кингспорте почти как дома. До того, как они пришли, ей казалось, что Эвонли – где-то в тысяче милях от него; эти письма связали старую жизнь с новой так тесно, что они обе как бы слились воедино и перестали казаться Энни безнадежно разобщенными. Вначале Энни получила шесть писем: от Джейн Эндрюс, Руби Джиллис, Дианы Берри, Мариллы, миссис Линд и Дэви. Письмо Джейн было написано каллиграфическим почерком, с четко вычерченной перекладкой буквы «т» и аккуратной точкой над каждым «й»; оно не содержало ни одного интересного пред-

ложения. Она ничего не писала о школе, о которой Энни так хотелось побольше узнать. Ни на один из вопросов, заданных подругой, Джейн не удосужилась ответить. Вместо этого, она сообщала о том, сколько ярдов кружев ей удалось связать крючком за последнее время, и какая погода в Эвонли. Еще она писала, что ждет – не дождется, когда ей сошьют новое платье, и о мигрени, которая ее одолевает.

Руби Джиллис же попросту облекла свои излияния в эпистолярную форму; она сетовала на отсутствие Энни и на то, что все без нее не так. А еще она интересовалась, как там «публика» в Редмонде. Остальную часть письма она полностью посвящала не слишком лестным отзывам о своих многочисленных поклонниках. В общем, письмо было довольно-таки глупым и пустым, и Энни вдоволь бы над ним посмеялась, не имей оно постскриптума. В заключении Руби писала:

– У меня создалось впечатление, что Гильберт доволен Редмондом. По крайней мере, он сообщает об этом в своих письмах... Не думаю, что Чарли в *таком* же восторге от колледжа.

Итак, Гильберт пишет Руби! Чудненько! Разумеется, он волен писать кому угодно. Вот только...

Энни понятия не имела о том, что Руби первая отослала ему письмо, и ему пришлось из простой вежливости ответить на него.

Она с отвращением скомкала злополучное письмо и пе-

решила к чтению легкого, веселого, содержательного послания Дианы, которое отчасти развеяло меланхолию, навеянную данным постскриптумом.

Диана, пожалуй, слишком часто упоминала о Фреде, но в остальном ее письмо содержало много интересовавшей Энни информации, и девушке даже на мгновение показалось, что она перенеслась обратно, в Эвонли. Письмо Мариллы, как всегда, было простым и безыскусным, не содержащим ни сплетен, ни особых эмоций. Но Энни читала между строк о прелестях простой жизни в Грин Гейблз, о мире и покое, царящих под родной крышей, и о неизменной любви, которую она всегда найдет там... А миссис Линд сообщала ей последние новости из жизни церковного прихода. Оставив свое хозяйство, она обнаружила, что у нее появилась уйма времени для того, чтобы посвятить себя служению церкви. Почтенная леди сердцем и душой стремилась организовать все наилучшим образом, как и подобает благочестивой прихожанке. В момент написания письма она как раз «переводила дыхание» после встречи с очередным кандидатом в пасторы. Сколько их, бедненьких, понаехало в Эвонли!..

«В наше время все, прости, Господи, какие-то дурни лезут в духовенство, – с горечью писала она. – Ну что за кандидатов нам присылают, и что за проповеди они читают нам! Их речи звучат неубедительно. Откуда уж тут взяться доктрине?! Тот, кого мы слушали сегодня – хуже их всех. Его проповедь можно было

бы назвать сплошным «лирическим отступлением». Он признал, что не верит в то, что язычество когда-нибудь полностью изживет само себя. Вот тебе раз!.. «Если б это было не так, – вещал он, – мы бы попросту бросали деньги, которые выделяем для иностранных миссий, на ветер!» Вечером, в прошлое воскресенье, он заявил, что свою следующую воскресную проповедь посвятит религиозным течениям в каменном веке. Лучшие б почаще заглядывал в Библию и не гонялся за сенсациями! Какой пассаж, что нынешние священники не довольствуются одним Священным Писанием для чтения проповедей! А вы, Энни, в какую церковь ходите там? Надеюсь, вы это делаете регулярно? Люди вдали от дома часто легкомысленно относятся к такому важному делу, и ваши коллеги-студенты, как я понимаю, тоже этим грешат! Мне рассказывали, что большинство их фактически по воскресеньям корпят над домашними заданиями. Надеюсь, в вас не выработается эта дурная привычка, Энни! Помните, как мы вас воспитывали! И заводите друзей осмотрительно! Кто только ни учится в этих колледжах! Зубы заговаривать они все мастаки, а на деле – яки волки хищные! То-то и оно. Лучшие бы вам и не общаться с теми парнями, которые прибыли не с островной части! Забыла поведать вам о том, что случилось в первый день пребывания в Эволи этого кандидата в пасторы! Ничего забавнее я в своей жизни не видывала! Я еще сказала Марилле, что если б вы

были здесь, то непременно посмеялись бы. Хохотала даже сама Марилла!.. Знаете ли, новый кандидат – низенький, кругленький, маленький человечек, который и ходит как-то на полусогнутых... Так вот, старая, здоровенная свинья мистера Харрисона в тот день снова прошмыгнула во двор усадьбы Грин Гейблз и затем – на заднее крыльцо и за дверь. Мы ее, разумеется, не видели, и когда пастор поднялся на заднее крыльцо, она сделала отчаянную попытку «пойти на прорыв». Но прорваться можно было только между ног пастора, пребывавшего в блаженном неведении. И поскольку свинья оказалась слишком большой, а пастор – маленьким, она понесла его на себе прочь; создалось такое впечатление, словно он оседлал ее... Шляпа пастора отлетела в одну сторону, его трость – в другую, и как раз в этот момент мы с Мариллой подошли к дверям. Никогда не забуду этой сцены! Бедная свинья была напугана до смерти. Всякий раз, когда я, читая Библию, дойду теперь до того места, когда одна свинья бросается с крутизны в море, буду вспоминать свинью Харрисона, несущуюся вниз по холму с пастором на спине!.. Полагаю, свинье показалось, что на нее напали... Хорошо, что близнецов не было поблизости! Что, если бы они увидели растерявшегося пастора, попавшего в такую щекотливую ситуацию? Как только они очутились у ручья, пастор соскочил, вернее, свалился со спины испуганной свиньи. Последняя, обезумев, понеслась по мостку и затем скрылась в лесу. Мы с

Мариллой сбежали вниз и помогли пастору подняться и отряхнуться. Он был цел и невредим, но страшно зол. Казалось, он хочет доказать, что во всем виноваты мы с Мариллой, хотя мы объяснили десять раз, что свинья принадлежит не нам и уже успела основательно надоесть нам за лето. Но чего это ради пастор нагрянул к нам на порог? Да еще с черного хода!

Мистер Аллан никогда бы этого не сделал! Да, сколько еще пройдет времени, прежде чем у нас появится такой же прекрасный священник! Но нет худа без добра: с тех пор той свиньи простыл и след. Думаю, она едва ли когда-нибудь снова отважится показаться у нас!

В Эвонли все спокойно. И в Грин Гейблз большие жизни, чем я ожидала. Думаю, этой зимой надо бы начать новое лоскутное одеяло на хлопковой основе. У миссис Сайлас Слоан родилась красивая идея обрезать лоскутки в форме яблоневых листьев!

Когда хочется «потешить душу», читаю рубрику про убийства в бостонских газетах, которые мне присылает племянница. Раньше никогда этого не делала, но сейчас вот увлеклась этим чтивом. Все это довольно любопытно. В Штатах творятся сплошные кошмары. Ну что за страна?! Надеюсь, вы никогда не рискнете туда отправиться, Энни! Сейчас девичьи свободно разъезжают по свету. Просто безобразие какое-то! Это напоминает мне Сатану из «Книги работ», носящегося вниз-вверх, туда-сюда... Что-то не верится, чтобы Господь такое приветствовал!

Дэви ходит все время шелковый с тех пор, как вы уехали. Только однажды он начал плохо вести себя, и Марилла наказала его, заставив весь день носить фартучек Доры. А после он пошел и искромсал ножницами все ее фартучки! Ну и отилепала же я его за это! А он в отместку до смерти загонял моего петуха!

МакФерсоны переехали в мою усадьбу. Миссис МакФерсон – прекрасная хозяйка и очень прагматичная. Она вырыла все мои нарциссы, или как вы их называли, «июньские лилии». Говорит, с ними сад выглядит как какие-то дебри... Еще мой Томас отвел под них участок земли, как только мы поженились! Мистер МакФерсон производит приятное впечатление, но супруга его почему-то не может отделаться от ощущения, что она – старая дева. Ну и дела!

Вы там не очень-то выматывайтесь, Энни! Главное, побольше уверенности в себе и... не забывайте утепляться, когда наступят холода. Грядет зима!

Марилла очень о вас беспокоится, но я успокаиваю ее и говорю, что здравого смысла вам не занимать. А ведь когда-то я думала совсем иначе!.. Но я ошиблась, слава Богу, и все у вас будет хорошо».

Свое письмо Дэви начал с жалобы:

«Дорогая Энни, пожалуйста напишите и скажите Марилле ни привязывать меня к пирилам моста. кагда я рыбацю мальчишки издиваются над о мной. Бес вас

тут так одиноко, но в школе ничего, интересно. Джейн эндрюс сердитее вас. В прошлаю ноч я боялся мисис Линд, каторая пришла с бальшим фанарем. Она страшно разазлилась патамучто я гонял ее петуха по двору до тех пор, пока он не свалился за мертво. Я не хотел этаго. Пачему он издох, панятия не имею. мисис Линд швырнула его в свинячие карыто. Магла бы прадать его мистеру блеяру. он скупаает за пятьдесят пенсов здаровых дохлых петухов. Слышал как мисис линд прасила свищеника помалиться за нее. Што она такое зделала плахова, Энни, не имею панятия. А еще я зделал ваздуинава змея с умапамрачительным хвостом! Вот.

Милти болтер рассказал мне в школе адну класную историю. все это правда. Старый Джой Мосей и Леон играли аднажды в ноч на прошлай недели в карты. Они были в лису. Карты лежали на пне. Вдруг пришел здаровый негр, больше диревьев и згреб карты вместе с пиньком. А патом изчез, издавая грохат, словна раскаты грома. Думою, они струхнули... Милти сказал что чернакожий этот старый грабитель. не знаю, Энни, это так или нет. мистер кимбалл из спенсирвейля очень болен. Он даже хочет ехать в бальницу. Извениите, я только спрашу мариллу как это пишется! Вот. Она гаварит эта все глупасти, проста у него шило в одном месте. Как это шило в адном месте? Я хачу знать, Энни! Мисис лоренс белл тоже балеет. мисис линд гаворит, что она проста слишкам много носится со своими баолячками!»

«Интересно, – подумала Энни, складывая письма, – что миссис Линд подумала бы о Филиппе?!»

Глава 6. В парке

– Что делаете сегодня, девчата? – спросила Филиппа, влетая в комнату Энни в субботу днем.

– Собираемся на прогулку в парк, – ответила та. – Мне надо было бы остаться и дошить блузку, но не могу же я целый день только этим и заниматься! Что-то из этого воздуха вливается в мою кровь, веселит и бодрит. Нет, не могу я замыкаться в четырех стенах! Пальцы мои будут дрожать, и если я останусь шить, то швы пойдут вкривь да вкось. Так что лучше бежим на природу, в парк, к соснам!

– А помимо вас с Присциллой кто-нибудь собирается?

– Да. Гильберт с Чарли, и если бы вы к нам примкнули, было бы здорово!

– Но, – печально вздохнула Филиппа, – если я и пойду, то мне придется играть роль *третьей лишней* в вашем дуэте с Гильбертом. Знаете ли, Филиппа Гордон еще не играла подобных ролей!

– Ну, тогда попробуйте! Идемте, и, испытав это на собственном опыте, вы преисполнитесь сострадания к тем бедняжкам, которые вынуждены из-за вас играть эту роль постоянно. Но где же ваши воздыхатели?

– О, я едва смогла отделаться от них, чтобы хоть сегодня перевести дух! К тому же, у меня приступ меланхолии, правда, в довольно-таки легкой форме. Нет причины для волне-

ний! На прошлой неделе написала Алеку с Алонсо. Я даже вложила письма в конверты и надписала их, но... не запечатала. В тот вечер случилось нечто забавное. То есть, Алеку оно показалось бы забавным, но никак не Алонсо. Я очень спешила и, вынув из конверта письмо, – как я думала, адресованное Алеку, – дописала постскрипту. Затем я благополучно отправила оба письма. Сегодня утром пришло ответное послание от Алонсо... Он просто рвет и мечет! Девочки, все из-за того, что это он получил письмо с... постскриптумом! Конечно, он переживет, а если нет – тем хуже для него. Но день он мне испортил! Так что я пришла к вам, голубушки, отвести душу. После того, как начнутся футбольные матчи, у меня не будет ни одной свободной субботы. Обожаю футбол! У меня есть совершенно роскошные кепи и свитер в редмондских цветах; собираюсь надевать их во время матчей! Правда, в них я похожа на жердь, окрашенную в разные цвета и служащую вывеской парикмахеру, но ничего страшного! А, кстати, вам известно, что этот ваш Гильберт – капитан футбольной команды первокурсников?

– Да, он... говорил нам об этом... э... вчера вечером, – быстро нашлась с ответом Присцилла, видя, что ошарашенная Энни не может и рта раскрыть. – Они заходили с Чарли. Мы знали о том, что они к нам нагрянут, и предусмотрительно убрали подальше все подушки мисс Ады, чтобы не ровен час они не попались на глаза... Нельзя же было допустить, чтобы на них взгромоздились! А ту красивую, с рельефной

вышивкой, я нарочно уронила за спинку стула, на пол, в уголок. Думала, это вполне безопасное место! Как бы не так!.. Чарли Слоан облюбовал себе стул и, заметив «упавшую» подушку, положил ее на сиденье и спокойно устроился на ней. И так он просидел весь вечер, не слезая! Ну и досталось же подушке!.. Бедная мисс Ада спросила меня сегодня с укоризненной улыбкой, почему я позволила кому-то сидеть на ее любимой подушке. На что я ответила, что не смогла противостоять судьбе и... неисправимому слоанизму...

– Подушки мисс Ады меня когда-нибудь доконают, – вздохнула Энни. – На прошлой неделе она сшила еще парочку новых, плотно набитых и с вышивкой. Кошмар! И поскольку иного свободного от подушек места в доме не оказалось, она поставила их на лестницу, прислонив к стене. Время от времени они сваливаются оттуда, к тому же мы постоянно натыкаемся на них, когда спускаемся или поднимаемся по ступенькам в темноте. В прошлое воскресенье, когда мистер Дэвис молился за всех путешествующих по морям и океанам, я в свою очередь добавила молитву обо всех, живущих в домах, где хозяева помешаны на подушках!.. Ну, мы готовы. О, я вижу, и мальчики уже идут через Сейнтджонское кладбище! Скоро будут здесь. Итак, вы с нами, Фил?

– Ладно, я пойду, но при условии, что мне можно будет общаться, в основном, с Присциллой и Чарли. С ними я не почувствую себя такой уж «третьей лишней». Этот ваш Гильберт – просто лапочка. Но почему он выбрал себе в дружки

этого пучеглазого?

Энни холодно взглянула на Филиппу. Нельзя сказать, что она питала к Чарли Слоану особенно нежные чувства, но ведь он тоже был из Эвонли! Так что нечего всяким *чужим* девицам над ним насмехаться!

– Чарли с Гильбертом всегда дружили, – сухо сказала она. – Чарли – хороший парень, и не следует придираться к его глазам!

– Ой, что вы говорите! Он настоящий Рыбий Глаз! Должно быть, натворил что-нибудь в прошлой жизни, вот его и «наградили» такими глазками... Мы с Прис сегодня вволю похихикаем над его личиком. Только он об этом не догадается ни в жизнь!!!

Несомненно, «неразлучная парочка Г и С», как их называла Энни, явилась с самыми лучшими намерениями. Но Чарли вел себя, как настоящий осел. Он приписывал исключительно своим личностным качествам то, что рядом с ним шагают такие девочки, причем, одна из них – первая красавица группы, Филиппа Гордон. На Энни это должно, наконец, произвести впечатление! Пусть узнает, что некоторые его оценивают по достоинству!

Гильберт и Энни немного отстали, наслаждаясь под соснами тишиной и красотой осеннего дня. Дорога шла по высокому берегу, вдоль гавани.

– Эта тишина похожа на молитву, не правда ли? – произнесла Энни, невольно поднимая глаза к сияющим небе-

сам. – Как же я люблю сосны! Кажется, будто их корни питает романтика всех времен! Как хорошо было бы остановиться сейчас и поговорить с ними! Здесь я всегда так счастлива!»

В одиночестве, в горах,

Куда принесла их

неведомая

сила,

Они стряхнут

заботы

и печали

Подобно тому,

как стряхивают

капли дождя

со своих игл

Раскачиваемые

ветром

сосны... —

процитировал Гильберт и заметил:

– Глядя на них, начинаешь понимать всю суетность собственных устремлений, не так ли, Энни?

– Если когда-нибудь меня постигнет несчастье, я обращусь к соснам, чтобы восстановить пошатнувшееся душевное равновесие, – мечтательно сказала Энни.

– Надеюсь, этого никогда с вами не случится, Энни, – произнес Гильберт, который никак не мог заставить себя пове-

ритель, что живое, веселое и остроумное создание, шагавшее рядом с ним, может впасть в великую печаль. Но тот, кому знакомы взлеты, испытывает и падения. Люди, обычно бурно реагирующие на радостные события, жестоко страдают от неудач.

– Нет, когда-нибудь я должна это испытать, – размышляла вслух Энни. – Сейчас я пью до дна чашу радости, переполненную до краев. Но ведь в каждой «бочке меда» должна быть своя ложечка дегтя... И однажды я ее отведаю! Ну, без боя я не сдамся! Но хочется верить, что *все это* случится не по моей вине. Помните, что говорил мистер Дэвис в прошлую субботу вечером? Что Господь, посылая нам испытания, вместе с тем дает нам силы, чтобы перенести страдания; мы даже чувствуем некоторое облегчение в конечном счете. Но если мы сами «оступаемся» по недомыслию, ввергая себя в пучину греха, – вот тогда наша душевная боль невыносима. Но... не будем о грустном, ведь день такой чудесный! А это значит, нужно радоваться жизни, ведь правда?

– Будь на то моя воля, я бы вычеркнул из вашей жизни, Энни, все дурное и оставил только счастье и радость, – произнес Гил таким тоном, что Энни подумала, что *опасность* впереди...

– Ну, это было бы не слишком умно, – поспешно возразила она. – Уверена, что ни одна жизнь не может развиваться успешно без преодоления определенных препятствий, даже если они приносят печаль. Впрочем, все это – теория, а на

практике... Но идемте! Смотрите, наши друзья уже разыскивают нас!

Все уселись внутри небольшого павильона, чтобы полюбоваться осенними чудесами заката: всполохами большого небесного костра на бледно-желтом, словно опавший лист, фоне. Слева виднелись крыши и высокие шпили Кингспор-та, выступавшие из фиолетовой дымки. Справа лежала гавань; ее воды окрасились в розово-медный цвет в месте слияния с закатом, но чуть ближе они были серебристо-серыми и матово блестящими. Вдали, из тумана, выступили очертания скалистого Острова Вильгельма. Он, подобно клыкастому бульдогу, стоял на страже города.

Свет маяка с этого острова время от времени пробивался сквозь туман; казалось, это светит переменным светом новая звезда. А на горизонте другой пульсар посылал в ответ свои сигналы.

– Вот это мощь! – воскликнула Филиппа. – Я не имею в виду сам Остров Вильгельма; впрочем, я все равно не взяла бы его штурмом даже если б очень этого хотела. Но посмотрите на эту смену караула форта у национального флага! Сплошная романтика!

– Кстати, о романтике, – сказала Присцилла. – Мы тут искали вереск, но, конечно, не нашли. Полагаю, он уже не растет в это время года.

– Есть всего два места на целом континенте, где он растет, – заметила Фил. – Одно – перед вами; вот этот парк!

Другое – где-то в Нова Скотии, только я забыла, как оно называется. Существует легенда, что в течение года здесь стоял лагерем знаменитый Хайлэндский батальон, так называемый Черный Отряд. Так вот, когда весной солдаты вытряхивали свои тюфяки, несколько семян вереска попали в землю и проросли.

– О, какая милая легенда! – в восторге воскликнула Энни.

– Давайте вернемся домой по Спофффорд-Авеню, – предложил Гильберт. – Мы сможем получше рассмотреть дома аристократических семейств. Это – лучший жилой район Кингспорта. Только миллионеры покупают себе здесь особняки.

– О, не только! – возразила Фил. – Там есть одно сказочное местечко, которое я хочу показать вам, Энни! Собственно, это некое... сооружение, дом, который... был построен не миллионером. Он стоит на краю парка испокон веков; его построили, когда Спофффорд-Авеню была еще разухабистой проселочной дорогой. Нет, *построили* – это не то слово. Дом буквально *вырос* на этом месте, как растут грибы. А остальные дома вдоль этого авеню меня мало волнуют. Они все такие стандартные и слишком современные. Все сплошь из стекла. Но тот домик – просто игрушка, у него даже есть название... Впрочем, после скажу, когда вы все увидите собственными глазами.

И они увидели этот дом, когда спустились с покрытого соснами холма и вышли из парка. В начале Спофффорд-Аве-

ню, спускавшегося прямо к тому месту, виднелся небольшой деревянный дом, окрашенный в белый цвет. Ряды сосен стояли, словно в почетном карауле, с двух его сторон, простирая свои ветви над невысокой крышей. Его стены были густо увиты виноградной лозой. Они увидели красные и желтые спелые виноградные гроздья. Из-под лозы виднелись окна с закрытыми зелеными ставнями.

Перед домом был разбит крохотный палисадничек, окруженный низкой каменной оградой. Несмотря на то, что на дворе уже стоял октябрь, в нем все еще торжествовала жизнь. Здесь можно было встретить милые, всеми любимые, традиционные садовые растения – боярышник, полынь лечебную, липпию лимонную, бурачок, петунии, календулу, бархатцы и хризантемы.

Узенькая дорожка, выложенная кирпичом по методу кладки «в елочку», вела от ворот к переднему крыльцу. Из какой Тьму-Таракани перенесли сюда эту усадьбу?! Но на ее фоне соседний домина, окруженный обширным газоном, – резиденция одного табачного короля, – выглядел слишком показушным и вычурным. Этот контраст был отнюдь не в пользу соседнего дома. Как сказала Фил, одни дома строятся, другие – вырастают.

– Ничего чудеснее в мире я не видела! – воскликнула Энни в восторге. – Я вновь вся охвачена трепетом, как в детстве. Этот домик прелестнее даже дома мисс Лаванды!

– А теперь запомните название этого места, – сказала

Фил. – Смотрите, что там написано на аркообразной части ворот! Пэтти-Плейс! Правда, здорово? Особенно после всех этих Сосновых Рощ, Мира Вязов и Кедровых Усадеб. Просто Пэтти-Плейс, с вашего позволения! И я обожаю его!

– А почему это местечко так называется? – спросила Присцилла.

– Мои скромные частные исследования показали, что владеет им дама по имени Пэтти Споффорд. Она живет здесь вместе со своей племянницей чуть ли не целый век, – ну, может, капельку поменьше. Некоторое преувеличение допустимо, когда облакаешь повествования в поэтическую форму! Насколько мне известно, местные толстосумы пытались купить этот участок земли раньше и снова подъезжают с этим к пожилой даме. Его ведь в наше время можно было бы очень выгодно продать! Но Пэтти и слышать об этом не желает... Да, а за домом – яблоневый сад! Он расположен на месте, где обычно находится задний двор. Вы его увидите, когда мы пройдем дом. Настоящие *яблоньки* на Споффорд-Авеню!

– Сегодня ночью мне приснится Пэтти-Плейс, – серьезно сказала Энни. – Я уже ощущаю, будто это местечко вошло в мою жизнь. Кто знает, может быть, однажды мы побываем внутри этого чудного домика?..

– Маловероятно, – коротко сказала Присцилла.

Энни загадочно улыбнулась и произнесла:

– Да, согласна! Но у меня такое странное, нарастающее,

вызывающее трепет ощущение – предчувствие, если хотите, – что вскоре нам представится возможность лучше познакомиться с Пэтти-Плейс!

Глава 7. Снова дома

Если первые три недели в Редмонде тянулись долго, то остальная часть семестра пронеслась, наоборот, быстро, словно на крыльях ветра. Не успели студенты оглянуться, как наступила пора зимней сессии, которую большинство сдало более или менее успешно. Лучшими среди студентов по итогам экзаменов оказались Энни, Гильберт и Филиппа. Присцилла тоже отличилась; даже Чарли Слоан держался достойно (он не сомневался, что лишь он один по-настоящему блеснул на экзаменах).

– Не верится, что завтра в это же время я буду в Грин Гейблз! – сказала Энни вечером накануне отъезда. – Но это так. А вы, Фил, отправитесь в Болинброк на встречу с Алеком и Алонсо.

– С нетерпением жду встречи, – кивнула Фил, откусывая кусочек шоколадки. – Знаете, они такие милые ребятки! Конца не будет веселью, танцам до упаду и катаниям на санях! А вам, королева Анна – то есть Энни, – *никогда* не прошу, что вы не поедете со мной домой на каникулы.

– Ну, *никогда* Филиппы Гордон – это дня три, максимум! Но... это так мило с вашей стороны, что вы хотите пригласить меня с собой! В один прекрасный день, я бы не отказалась увидеть Болинброк. Но в этом году ничего не получится: я *должна* побывать дома... Знаете, мое сердце готово

выскочить из груди, когда я думаю, что скоро снова увижу Грин Гейблз!

– Да, но не рассчитывайте на то, что у вас там будет особо много времени, – усмехнулась Фил. – Ну, соберутся кумушки пару раз на посиделки, выскажут все, что о вас думают вам в лицо, и поползут слухи по Эвонли! Да вы умрете от скуки, детка!

– Это в Эвонли-то?!

– А вот если бы вы поехали вместе со мной, – не унималась Фил, – скучать нам бы не пришлось. В Болинброке начались бы страсти по королеве Энни! Все в вас такое необычное – и волосы, и стиль и... все остальное. Вы не похожи ни на кого. Да, вы могли бы произвести настоящий фурор, а я бы светила отраженным светом! Не роза, конечно, но... *почти* роза. Поехали, Энни!

– Вы нарисовали заманчивую картину моего успеха в обществе, Фил. А в ответ я нарисую вам другую. Я еду домой в старый, фермерский дом, который уже изрядно обветшал. Он стоит среди яблоневого сада; деревья в нем сбросили свою листву давно, еще в начале осени. Внизу течет ручей, а за ним высится ельник, в котором каждая елка готова к Рождеству. В нем я так часто слышала сонаты дождей и ветров! А рядом с ельником – пруд, в котором вода сейчас, наверное, такая серая! А в усадьбе меня встретят две пожилые дамы. Одна – высокая и худая, а другая – маленькая, кругленькая... А еще в усадьбе меня ждут близнецы, наво-

дящие «священный ужас» даже на миссис Линд... Там, наверху, есть одна комната в восточном крыле, где живут мои мечты и воспоминания. В ней – огромная кровать с горой перин, которые теперь кажутся мне роскошью после тощего матраца в той комнате, которую я снимаю. Ну как, понравилась вам эта картина, Фил?

– Она довольно-таки унылая, – с гримаской ответила Фил.

– Но я не упомянула об одном существенном обстоятельстве, которое все меняет, – мягко произнесла Энни. – Там есть любовь, Фил! Преданная и нежная, такая, какой мне не найти в целом мире. И эта любовь ждет меня!.. Итак, краски моей картины потускнели, но она все равно шедевр, ведь им ее делает сама любовь!

Фил тихо поднялась, отодвинула коробку с шоколадными конфетами в сторону и, подойдя к Энни, обвила ее руками.

– Энни, как бы мне хотелось стать такой же, как вы! – серьезно сказала она.

Диана встретила Энни на станции в Кармоди вечером следующего дня, и они поехали домой вместе; звезды светили из неведомых космических далей, и вокруг было тихо-тихо. Проехав по дорожке к Грин Гейблз, они убедились, что усадьба имеет праздничный вид.

В каждом окне горел свет; казалось, будто «красный цветок» огня обвивает своими лепестками даже темные стволы деревьев в Охотничьих Угодьях, – это бросали на них свои

отблески языки пламени, ибо во дворе был разожжен большой костер. Вокруг него плясали два веселых крошечных создания, одно из которых вдруг издало неподражаемый крик радости, стоило коляске остановиться под тополями.

– Дэви только что издал боевой клич индейцев, – пояснила Диана. – Мальчишечка – поденщик мистера Харрисона научил его, и наш «вождь краснокожих» усиленно тренировался до вашего приезда, чтобы оказать вам достойную встречу... Миссис Линд жаловалась, что он ей все нервы измотал. Подкрадывается к ней сзади, знаете ли, и орет во всю глотку... И костер этот он разложил в честь вашего приезда. Ровно две недели подряд Дэви таскал сухие сучья и приставал к Марилле с просьбой позволить ему плеснуть на них немного керосина, чтобы костер лучше горел. Чувствуете, какой запах? Значит, она разрешила-таки Дэви это сделать, несмотря на то, что миссис Линд заявила, что скорее он сгорит сам – и вместе с ним кто-нибудь еще, – чем запалит костер таким варварским способом.

Когда Энни ступила на землю, Дэви в восторге бросился обнимать ее колени, и даже Дора льнула к ней.

– Разве это не классный костер, Энни? Дайте, покажу, как эти сучья нужно перемешивать! Только посмотрите, какие искры! Этот костер – для вас, Энни! Как я счастлив, что вы, наконец, вернулись домой!

Дверь в кухню распахнулась, и на пороге, загораживая собою свет, появилась сухощавая фигура. Это была, конечно,

Марилла. Она предпочла встретить Энни в темноте двора, ибо ужасно боялась, что расплечется от радости. Это она-то – суровая, сдержанная Марилла, которая всегда считала непристойным любое проявление эмоций! За ней стояла миссис Линд, полная, добродушная матрона, – все такая же, как в былые времена. И Энни снова оказалась в атмосфере благословенной и долгожданной любви, о которой она тогда поведала Фил. Ну что на свете может сравниться со старыми друзьями и старушкой-усадебой Грин Гейблз? Глаза Энни сияли, точно звезды, когда все сели за праздничный ужин; щеки девушки пылали, и звонко-звонко звучал ее смех. Диана решила остаться с ними на всю ночь. Как все это напоминало то, что было в добрые, старые времена! А на столе стоял тот самый сервиз с розовыми бутончиками! Со стороны Мариллы это было верхом гостеприимства!

– Небось, всю ночь проболтаете! – иронично сказала мисс Катберт, когда обе девушки отправились наверх. Стоит ей выдать свои истинные чувства, как она становится вот такой ироничной. С Мариллой всегда так.

– Ну да, – весело отозвалась Энни. – Но вначале я сама уложу Дэви в постель. Он на этом настаивает.

– Конечно, – сказал мальчик, когда они шли через холл, – если бы кто-нибудь молился вместе со мной! Одному как-то не так...

– Но ведь ты не один, Дэви! Бог всегда слышит тебя, твои молитвы.

– Но я его не вижу! – возразил Дэви. – А мне бы хотелось видеть того, кому я молюсь! На худой конец пусть рядом со мной кто-нибудь будет. Но только не миссис Линд и не Марилла!

Тем не менее, Дэви не спешил с молитвами даже после того, как облачился в свою серую фланелевую пижаму. Он в нерешительности стоял подле Энни, переминаясь с одной босой ноги на другую.

– Ну, давай, дорогой, становись на колени! – сказала она. Дэви подошел совсем близко и уткнулся головой в ее колени.

– Энни, – тихо сказал он, – я не в состоянии сейчас читать молитвы! Целую неделю не мог молиться. Я вчера не произнес ни одной молитвы и позавчера – тоже.

– Но почему же, Дэви? – удивленно спросила Энни.

– Вы... вы не рассердитесь, если я скажу?

Энни подняла Дэви и прижала к себе его маленькое тело в серой фланелевой пижаме. Затем она взяла мальчика за подбородок.

– А разве я сержусь когда-нибудь, если ты мне рассказываешь то, что у тебя на душе, Дэви?

– Н-н-нет, никогда! Но вы расстроитесь, а это еще хуже. То, что я готов рассказать, непременно должно вас расстроить, Энни. К тому же, вам станет стыдно за меня, я знаю!

– Что-нибудь натворил, Дэви? И это причина того, что ты не можешь настроить себя на молитву?

– Да нет, ничего из ряда вон выходящего я не совершал. Но придется!

– Что?!

– Я... я просто хочу произнести одно *плохое* слово, – отчаянно выпалил Дэви. – Слышал, как его говорил на прошлой неделе нанятый мистером Харрисоном мальчик. С тех пор мне *все время* очень хочется его повторить, даже тогда, когда нужно молиться.

– Ну и скажи его тогда, Дэви!

Дэви густо покраснел и в изумлении воззрился на Энни.

– Но, Энни, это же *ругательство*!

– Давай, давай, говори!

Дэви бросил на нее недоверчивый взгляд, а затем шепотом произнес *страшное слово*. Через секунду его лицо спряталось в складки юбки на коленях у Энни.

– О, никогда, никогда больше я не стану так ругаться, Энни! И мне этого уже *никогда* не захочется вновь! Я знал, что это скверно, но не думал, что это *так* ужасно!

– Едва ли вы когда-нибудь повторите то, что вы сейчас сказали. Вы и думать про *это* больше не станете, Дэви! Но с тем мальчиком мистера Харрисона я бы, на вашем месте, больше не зналась.

– Он умеет издавать такие классные победные кличи индейцев, – сказал Дэви с некоторым сожалением в голосе.

– Но вам же не хочется, мой друг, чтобы ваша голова была забита всякими бранными словами, не правда ли? Они спо-

способны вытеснить все хорошее и светлое, что в нас есть.

– Нет, мне этого вовсе не хочется, – несколько ословело произнес Дэви, пытаясь подвергнуть себя самоанализу.

– Тогда не дружи с теми, кто употребляет подобные слова... Но скажи мне, Дэви, теперь ты сможешь молиться?

– О, да! – Дэви упал на колени. – Я готов прочесть молитвы! Теперь мне не страшно, как тогда, когда на языке вертелось это гадкое слово. Страх был такой, как если бы я мог заснуть смертельным сном!

Должно быть Энни с Дианой излили, наконец, друг другу души в ту ночь. Впрочем, до нас не дошли записи их конфиденциальных разговоров... Утром за завтраком они обе выглядели такими свежими и ясноглазыми, какими могут выглядеть только молодые после многочасовых ночных излиятий и признаний. В ту пору снега еще не было, но стоило лишь Диане ступить на бревенчатый мосток, когда она направилась домой, как белые, пушистые хлопья посыпались с неба на красновато-коричневые и серые поля, спящие без сновидений. Вскоре далекие склоны холмов покрылись тонким, полупрозрачным покрывалом. Казалось, золотоволосая Осень надела белые одежды невесты, встречая Зиму, словно своего суженого. Итак, Рождество выдалось белым. Это был чудесный день! До полудня пришли письма и подарки от мисс Лавендар и Пола; Энни распечатала их в веселой атмосфере кухни Грин Гейблз, которая была заполнена, по выражению постоянно вертевшегося под ногами Дэви, «здоров-

скими запахами».

– Мисс Лаванда с мистером Ирвингом поселились в своем новом доме, – оповестила всех Энни. – Нет сомнений в том, что она определенно счастлива. Это ясно из общего тона письма. Но здесь также пара строчек от Шарлотты Четвертой. В Бостоне ей что-то не очень нравится, к тому же сказывается тоска по дому. Мисс Лавендар просит меня, пока я здесь, в Грин Гейблз, сходить в сад, где живет Эхо, и зажечь там костер. Надо проверить, не испортились ли подушки в самом жилище Эхо. Думаю, мы пойдем туда с Дианой на следующей неделе и проведем вечер вместе с Теодорой Дикс. С ней мне надо бы встретиться. Кстати, а Людовику Спиду все еще хочется ее видеть?

– Во всяком случае, так говорят, – сказала Марилла. – Он продолжает в том же духе, но дело с мертвой точки так и не сдвинулось. Просто любезничают друг с другом.

– На месте Теодоры я бы его подстегнула, – заметила миссис Линд, и ни у кого не возникло ни малейшего сомнения в том, что она и в самом деле это бы сделала.

Энни получила также типично-небрежную записку от Филиппы, с именами Алека и Алонсо чуть ли не на каждой строчке. Фил сообщала во всех подробностях, что они сказали и сделали, как встретили ее.

«Так я все решаю, за кого из них выйти замуж, – писала Филиппа. – Ах, если б вы были здесь и помогли мне сделать выбор!.. Кто-то же должен решить

эту дилемму! Когда я увидела Алека после разлуки, сердце мое забилося сильнее, и я подумала, что он как раз тот, кто нужен мне. Но потом, когда пришел Алонсо, сердце забилося с ничуть не меньшей силой. Хоть сердце и вещун, как пишут в романах, но на сей раз оно мне ничего не подсказало. Но ваше-то сердечко, Энни, не забьется ни для кого, кроме самого Прекрасного Принца, не так ли? Может, мое сердце просто барахлит? Но вообще-то мы тут славно резвимся! Только вас не хватает! Сегодня пошел снег, и я пришла в неописуемый восторг. Терпеть не могу «зеленое рождество»! И почему только, когда кругом грязи по колено, и все вокруг такое серенькое или коричневое, рождество называют «зеленым»? Ведь, кажется, все это, окружающее нас, так и мокнет под дождями испокон веков!

Не спрашивайте меня, почему так повелось! Как говаривал лорд Дандрери, «есть такие вещи, на которые никто не таст вам отфета!»

Энни, вам приходилось когда-нибудь кататься по городу на трамвайчике, а потом вдруг обнаруживать, что расплатиться совершенно нечем? Со мною такое произошло на днях. Это был настоящий кошмар! Когда я садилась в трамвай, у меня с собою было пять пенсов. Мне казалось, что они лежат в левом кармане моего пальто. Когда я удобно устроилась на сиденьи, то сунула в карман руку. Их там не оказалось! Меня прошиб холодный пот. Я поискала в другом кармане, но и в нем денег не обнаружила. Мне снова стало как-

то не по себе. Тогда я просунула руку во внутренний карманчик. Но и здесь ничего не было! Я прямо-таки обливалась холодным потом.

Сняв перчатки, я положила их на сиденье и вывернула все карманы и карманчики. И ровным счетом ничего не обнаружила. Я стояла, вытрясая свою одежду, и время от времени наклонялась, чтобы поискать на полу.

Люди, ехавшие из театра, смотрели на меня, как на сумасшедшую, но я упорно продолжала поиски этой несчастной мелочи. И все напрасно! Уж не положила ли я ее ненароком в рот и не проглотила ли случайно?

Эни, я не знала, что мне делать! Я боялась, что кондуктор остановит трамвайчик и с позором высадит меня. Могла ли я убедить его, что стала жертвой собственной рассеянности? Ведь я не имею ничего общего с теми беспринципными типами, которым лишь бы всех надуть и прокатиться зайцами! Жаль, что со мной не было Алека с Алонсо. Вот так всегда: когда они нужны мне, их нет! И, наоборот, таскаются без конца, когда мне и дела до них нет.

Так вот, я стояла в нерешительности, так как не знала, что сказать кондуктору, когда он подойдет ко мне. Стоило одному объяснению всплыть в моем больном мозгу, как я сразу отметала его, сочтя необудительным, и мучительно искала другое. Ничего не оставалось, как уповать на Провидение. Я напомнила себе ту старую леди на корабле, попавшем в шторм. Когда капитан посоветовал ей обратиться в

молитвах к Всевышнему, она воскликнула:

«А что, капитан, мы действительно идем ко дну?..»

Когда всякая надежда покинула меня, и кондуктор уже принял деньги у сидевшего рядом со мной пассажира, я вдруг вспомнила, куда положила эти несчастные пять пенсов. Вовсе я их не проглотила! Выудив монетку из перчатки, я с облегчением бросила ее в кассу. Потом на моем лице появилась улыбка, означавшая, что мир вокруг вновь стал прекрасным».

Посещение Жилища Эхо оказалось не менее увлекательным, чем остальные прогулки во время каникул. Энни с Дианой направились туда своей любимой дорогой, через берзовую рощу, прихватив с собою корзинку с ланчем. Домик, который никто не посещал после того, как мисс Лаванда вышла замуж, вновь был открыт солнцу и ветру, и в маленьких комнатухах снова загорелся свет. Казалось, от вазы для роз мисс Лаванды все еще исходит приятный аромат, и не верилось, что она сама сейчас где-то далеко. А вдруг мисс Лаванда выйдет сейчас к ним, и ее карие глаза засияют, как звезды? Неужели же Шарлотта Четвертая не вбежит в эту дверь, чтобы приветствовать их широкой улыбкой и поклоном?.. Им казалось, что и Пол бродит где-то поблизости, предаваясь мечтаниям...

– Я сама себе напоминаю привидение, гонящееся за лунным светом ушедших ночей, – засмеялась Энни. – Пошли лучше наружу! Надо проверить, хоть Эхо-то дома или нет! Тащите с собой тот старый рожок. Он все еще там, за кухон-

ной дверью!

Эхо не улетало из дома. Оно многоголосно откликалось за белой рекой, и было, как всегда, чистым и красивым. А когда оно устало им отвечать, девушки снова закрыли Жилище Эхо и побежали навстречу шафранно-розовому зимнему закату; они провели добрых полчаса, не отрывая от него восторженных глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.